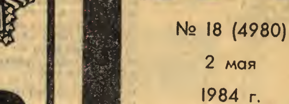
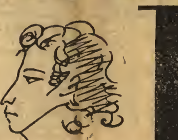
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕ

ЛИТЕРАТУР
ГАЗЕ

ГОД ИЗДА

№ 18 (4980)
2 мая
1984 г.
СРЕДА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к новым победам в коммунистическом строительстве!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1984 года

Иван ШАМЯКИН, Герой Социалистического Труда

ВЕСНА, МИР, ТРУД

ПЕРВОЕ Мая — праздник планеты. Планеты такой огромной, прекрасной, доброй, подарившей человечеству жизнь.

Три главных цвета украшают Землю в эти дни — зеленый, голубой, красный. Зеленый и голубой — это хлебная нива и чистое небо над ней, это жизнь. Красный — это стяги, лозунги, транспаранты, это цвет Первомая.

Мне кажется, Первомай объединил все материки, разделенные морями и океанами, все страны, разделенные границами, все народы, такие разные и непохожие. Объединил желанием жить в мире на прекрасной планете.

Первое Мая — праздник международной солидарности трудящихся, тех, кто своими руками возделал землю, построил на ней города, кто не допустит, чтобы зеленое и голубое стало черным атомным пеплом. Во главе благороднейшего похода за мир — Союз Советских Социалистических Республик.

Залог мира — в созидательном труде, в идейной стойкости. Это хорошо понимают советские люди, еще раз продемонстрировавшие свою высокую сознательность на Всесоюзном ленинском коммунистическом субботнике. Тысячи минчан трудились в этот день на строительстве своего метрополитена, которое вступило в заключительную стадию. Минское метро — это, без преувеличения, уникальная стройка не только нашей республики, но и всей страны. Уникальная по своим ускоренным темпам, невиданным ранее, по своим оригинальным техническим решениям, по художественному исполнению. В строительстве Минского метрополитена участвуют специалисты Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана... Минский метрополитен будет открыт досрочно, к 40-летию освобождения республики от фашистских захватчиков — это еще од-

МОСКВА МАЙСКАЯ

Фото Т. БАЖЕНОВА и В. БОГДАНОВА

И вновь весна пленяет мир
и бирюзою небо блещет,
природы зов, как голос вещий,
выходит каждый день в эфир.
Еще предутренний мороз
в хрусталь на лужицах играет,
но, испугавшись первой стаи,
разрушит свой прозрачный мост.
И выйдет трактор на поля,
как скарабей неутомимый,
под неуклюжею личиной
богатство щедрости тая.
И в землю лягут семена
пшеницы золотой и проса, —
добра и правды, — и непросто
тебе их взращивать, земля.
Но изумрудные ростки
потянутся упрямо к свету,
напомнив вечные заветы —
желанья всех людей просты:
пусть будут солнце и земля,
пускай растут спокойно дети,
пусть будет мир на всей планете
на все года и времена!

Наталья КУЗНЕЦОВА

гор. ЩЕРБИНКА Московской обл.

В секретариате правления СП СССР

28 апреля состоялось заседание секретариата правления СП СССР. Оно было посвящено международной деятельности СП СССР. Рас-

С большим успехом прошли традиционные Дни культуры СССР в Афганистане. Высокая честь представлять достижения нашей многонациональной Родины в культурном строительстве выпала в этом году Советскому Казахстану. Афганская земля тепло встретила делегацию во главе с заместителем Председателя Совета Министров Казахской ССР Ш. Ж. Жаныбековым. Среди гостей из Страны Советов находился известный казахский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола и премии комсомола Казахстана Мухтар Шаханов. Наш корреспондент попросил его поделиться впечатлениями об этой поездке, которая совпала с большим праздником дружественного народа ДРА — годовщиной Апрельской революции.

ганские прозаики и поэты, маститые и молодые. Со многими встречался как со старыми друзьями — товарища Панджшири, например, близко узнал во время памятной Ташкентской конференции писателей Азии и Африки в ознаменование 25-летия их движения.

Апрельская революция смело выдвигает в ряды своих руководителей деятелей литературы и искусства. Из пяти секретарей ЦК Демократической организации моло-

сознательность на всесоюзном ленинском коммунистическом субботнике. Тысячи минчан трудились в этот день на строительстве своего метрополитена, которое вступило в заключительную стадию. Минское метро — это, без преувеличения, уникальная стройка не только нашей республики, но и всей страны. Уникальная по своим ускоренным темпам, невиданным ранее, по своим оригинальным техническим решениям, по художественному исполнению. В строительстве Минского метрополитена участвуют специалисты Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана... Минский метрополитен будет открыт досрочно, к 40-летию освобождения республики от фашистских захватчиков — это еще одно свидетельство подлинно коммунистического энтузиазма наших людей.

Партия в своей ежедневной деятельности опирается на инициативу и творчество масс. На прошедшем недавно апрельском Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко говорил о необходимости «лучше использовать те резервы активизации масс, которые заложены в дальнейшем совершенствовании социалистической демократии, всей политической системы общества. И прежде всего в улучшении деятельности Советов — политической основы СССР, могучего орудия социалистического строительства».

Творческие возможности человека убежденного неисчерпаемы. Мы, писатели, это хорошо знаем. Лучшие произведения многонациональной советской литературы ярко и убедительно показывают идейную стойкость, силу коммуниста, советского человека.

Моя Белоруссия в июле будет праздновать 40-летие освобождения от фашистских захватчиков. Открываются музеи, памятники — новые свидетельства народного героизма. В эту особую для республики годовщину необходимо обновить память о том, что пережито страной. О лучших сынах Отечества. О времени, ставшем легендой.

Шестая часть планеты — наша могущественная Родина. Земной шар — надежная колыбель всего человечества, украшенная зеленым, голубым, красным.

Мир и процветание планете Земля!

МИНСК

МОСКВА МАЙСКАЯ

Фото Т. БАЖЕНОВА и В. БОГДАНОВА

...на все годы и времена.

Наталья КУЗНЕЦОВА
гор. ЩЕРБИНКА Московской обл.

В секретариате правления СП СССР

28 апреля состоялось заседание секретариата правления СП СССР. Оно было посвящено международной деятельности СП СССР. Рассматривались следующие вопросы: об итогах XX встречи руководителей писательских организаций социалистических стран в Праге; о VI советско-американской писательской встрече; о поездке делегации Союза писателей СССР в Польшу и о поездке делегации Союза писателей СССР в Индию.

Яннису РИЦОСУ,
М. Корака, 39,
Афины, Греция

Наш дорогой друг!

Сердечно поздравляем Вас со славной юбилейной датой. Вы широко известны в Советском Союзе как выдающийся поэт, неутомимый и мужественный борец за дело мира, демократии и социального прогресса, как сторонник укрепления дружбы и сотрудничества между Грецией и СССР. Желаем Вам, дорогой друг, крепкого здоровья, бодрости и новых замечательных произведений, служащих высоким идеалам человеческой нравственности. В день Вашего 75-летия примите наш самый теплый товарищеский привет.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С большим успехом прошли традиционные Дни культуры СССР в Афганистане. Высокая честь представлять достижения нашей многонациональной Родины в культурном строительстве выпала в этом году Советскому Казахстану. Афганская земля тепло встретила делегацию во главе с заместителем Председателя Совета Министров Казахской ССР Ж. Жаныбековым. Среди гостей из Страны Советов находился известный казахский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола и премии комсомола Казахстана Мухтар Шаханов. Наш корреспондент попросил его поделиться впечатлениями об этой поездке, которая совпала с большим праздником дружественного народа ДРА — годовщиной Апрельской революции

Мухтар ШАХАНОВ:

ТВОРЧЕСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ НЕРАЗДЕЛИМЫ

ИНТЕРВЬЮ У ТРАПА

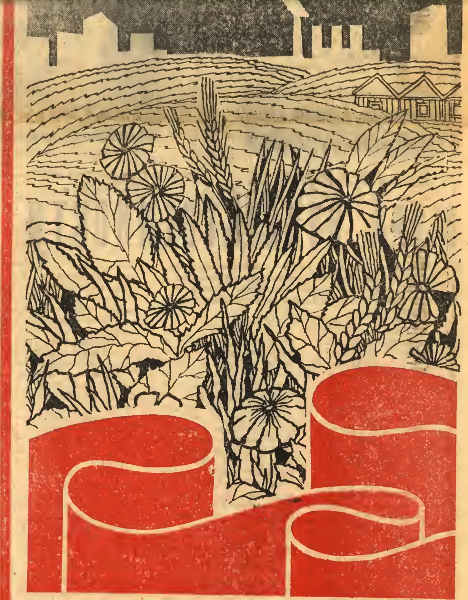

— Долго еще мыслями буду возвращаться к дням, прожитым среди афганских друзей, перебирать в памяти встречи, слова, лица... И обязательно вспомню горящие глаза Абдуллы Самада — солдата народной армии, умолявшего, требовавшего послать его на самый опасный участок. Абдулла считает своим долгом отдать все силы защите революции, о победе которой мечтал его старший брат — врач, погибший от рук душманов. Да, народная власть еще сражается, бьется с коварным и злобным врагом, у которого хватает иностранных покровителей. Но нигде и ни разу не видели мы следов растерянности, неуверенности. Еще большей сплоченностью, единением вокруг Народно-демократической партии, стойкостью и бдительностью встречают афганцы все происки бандитов.

...Однажды ночью в Кабуле нас разбудил грохот взрыва: душманы попытались предпринять очередную вылазку. А наутро жители столицы ответили на нее впечатляющим многолюдным шествием — демонстрацией в честь 114-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, стоявшего у истоков дружбы и сотрудничества наших стран. Искренний интерес к жизни советского народа ярко проявился и во время состоявшихся у нас встреч с членом Политбюро ЦК НДПА, председателем Союза писателей ДРА Гулямом Дастагиром Панджшири и его заместителем в СП ДРА, ректором Кабульского университета Асадуллой Хабибом, на которых присутствовали афганские прозаики и поэты, маститые и молодые. Со многими встречался как со старыми друзьями — товарища Панджшири, например, близко узнал во время памятной Ташкентской конференции писателей Азии и Африки в ознаменование 25-летия их движения.

Апрельская революция смело выдвигает в ряды своих руководителей деятелей литературы и искусства. Из пяти секретарей ЦК Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) трое — поэты. Первый секретарь ЦК ДОМА Фарид Маздак — тоже. Для них, как и для подавляющего большинства афганских литераторов, творчество и революция неразделимы: творчество должно служить революции, а революция возвышает творчество, превращает его в достояние подлинно всенародное. Нам с А. Сейдимбековым, главным редактором журнала «Билим жане енбек», издаваемого ЦК ЛКСМ Казахстана, эти мысли были близки и понятны: ведь похожее свершалось и в нашем родном Казахстане, преобразившемся за годы Советской власти из окраинного захолустья в цветущую землю сплошной грамотности и знаменитой на весь мир культуры.

Могучая сила пробужденного Апрельской революцией неиссякаемого таланта народа, отданного созиданию счастливого будущего, — залог уверенности в окончательной и бесповоротной победе народной власти, покоряющей одну вершину за другой. Вера эта придает новые силы афганцам, которые умеют не только мужественно сражаться, но и от души веселиться. Дружеская встреча, которую устроила для советских гостей член Политбюро ЦК НДПА, председатель Организации мира, дружбы и солидарности Афганистана Анахита Ратебзад, завершилась интернациональным хороводом: упоенно танцевали министры и военные, врачи и поэты, афганцы и казахи... Так сердечно смеяться могут только люди, верящие в свои силы и в своих друзей.

Плакат А. ОСТРОМЕНЦКОГО

Галина АУДЕРСКАЯ:

РАДОСТЬ НОВЫХ ВСТРЕЧ

Дни польской культуры в СССР

Председатель президиума Главного правления Союза польских писателей Галина Аудерская приехала в нашу страну в составе делегации видных деятелей литературы и искусства, участвовавшей в Днях польской культуры в СССР.

— Естественно, в первую очередь хочется узнать ваши впечатления о том, как проходили эти Дни.

— На мой взгляд, Дни польской культуры в СССР, посвященные 40-летию образования ПНР, прошли чрезвычайно успешно, — ответила Г. Аудерская. — Это тем более приятно, что мы придавали им большое значение. Ведь это первое за последние годы столь широкое представление за рубежом всех видов нашего искусства. Мы рады возможности полнее познакомить советских людей с тем лучшим, что достигнуто нами в области культуры.

За минувшую декаду советских слушателей и зрителей было немало встреч с польской серьезной и легкой музыкой, с песней и танцем. К москвичам приезжал на гастроли наш старейший театр «Народовы». В различных городах прошли недели польского кино. Организовано множество книжных и художественных выставок. В Центральном выставочном зале в Москве была показана разноцветная палитра нашего изобразительного искусства. Умелый подбор экспонатов удачно отразил пути развития польской живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства за 40 лет существования народной Польши.

В эти дни состоялись наши встречи с министром культуры СССР П. Н. Демичевым, а также с Георгием Марковым и другими руководителями Союза писателей СССР. Беседы проходили в подлинно сердечной и в то же время деловой обстановке.

— Расскажите, пожалуйста, как разворачивается деятельность возглавляемого вами союза.

— Мы, правление возрожденного Союза польских писателей, получили тяжелое наследство. По вине прежнего руководства СПП не только прервались официальные международные контакты, но и не было условий для регулярного общения наших писателей между собой. Ныне нормальная работа союза налаживается. Сейчас он объединяет уже свыше 570 членов. Действуют 16 воеводских отделений, скоро будет организовано 17-е. При министерстве культуры создан Литературный фонд. Среди наших планов на этот год, к примеру, — проведение «Поэтической осени».

Несмотря на все кризисные явления предшествующего периода, писатели у нас не переставали писать, издательства — издавать. Тут заметен несомненный прогресс: так, в 1983 году вышло больше книг, чем в предыдущем, среди них, по-моему, немало очень интересных.

— Удовлетворены ли вы тем, как развиваются контакты между Союзом польских писателей и СП СССР?

— Контакты между нашими творческими союзами установились очень теплые, дружеские. С радушным отношением со стороны советских коллег мы встречаемся на каждом шагу. Надеюсь, когда мы принимаем у себя делегации советских писателей, они чувствуют то же самое. Нами подписаны протоколы и соглашения, служащие основой для сотрудничества двух наших союзов. Перспективы, на мой взгляд, весьма обширные, и я уверена, что традиционные наши связи будут укрепляться год от года.

Нелишне отметить, что советско-польские литературные связи никогда полностью не прерывались. Даже в самые трудные дни эти связи поддерживались: польские писатели приезжали в СССР, переводили советские книги. В Советском Союзе, в свою очередь, не прекращалось издание произведений современных польских авторов — могу привести пример из собственного опыта: как раз в период введения у нас военного положения московское издательство «Радуга» выступило с инициативой перевода моего романа «Варшавская Сирена». Он недавно вышел из печати, что доставило мне, не скрою, большую радость.

— Наверное, в Советском Союзе у вас немало близких друзей. Представилась ли возможность для общения с ними, несмотря на крайне насыщенную программу Дней польской культуры?

— Возможность такая, конечно, представилась. Я побывала, например, в Переделкине у Валентина Катаева. Я родилась ведь в Одессе, и мы жили там с ним в одном доме. Валентин Петрович, поскольку он старше, знал моих родителей еще до моего появления на свет. О многом вспомнили, о многом поговорили.

— У вас много общественных обязанностей как у депутата Сейма ПНР, руководителя СПП. Но, судя по всему, вам по-прежнему удается выкраивать часы и для творческого труда. На днях я видел фильм «Эпитафия Барбаре Радзивилл», снятый по вашему сценарию. Над чем вы работали в последнее время?

— Недавно я закончила сценарий многосерийного фильма о Яне Матейко, и скоро начнутся его съемки. Я хотела показать ту роль, которую сыграл этот замечательный художник в формировании нашего национального сознания. Это был великий труженик, а меня неизменно привлекают такие целеустремленные личности, которые посвящают всю свою жизнь служению высокой цели, отдают себя без остатка работе, преодолевают все преграды, встающие на пути.

Написала также короткую повесть «Убить страх» — отрывок из нее только что опубликован. Это социальная повесть о том, как деморализующе воздействует страх на человеческую психику, как он ломает человеческие судьбы. Людей страшат войны, насилие. Такая атмосфера в мире калечит многие души. Главная идея моего произведения в том, что страха вообще не должно существовать на свете, что он не должен отравлять человеческие отношения, не должен парализовывать мечты и стремления людей.

Беседу вел
Святослав БЭЛЗА

Кристина СКУШАНКА:

«НАРОДОВЫ» СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Среди гостей, приезжавших в нашу страну на Дни польской культуры, была труппа старейшего в Польше драматического театра «Народовы». Знаменитый коллектив, с успехом показывавший свое искусство на зарубежных сценах и международных фестивалях, уже гастролировал в Советском Союзе. На этот раз зрители Москвы и Одессы познакомились с его новыми работами, подготовленными художественными руководителями театра, известными польскими режиссерами Ежи Красовским и Кристиной Скушанкой: пьесами неизвестного польского автора XVI века «Плебанский поход» и «Альбертус с войны», с комедиями «Месть» классика польской драматургии Александра Фредро и «Как вам это понравится» Шекспира.

— Встреча с советскими зрителями, — сказала К. Скушанка корреспонденту «ЛГ», — всегда ответственный творческий экзамен. Мы к нему готовились с особым волнением, зная осведомленность и требовательность советской театральной публики... Поэтому нам особенно дорог теплый, дружеский прием, оказанный театру в Одессе и Москве.

В «Народовы» мы с Ежи Красовским работаем только второй сезон. Пока можно говорить лишь о начале нашего пути, о том, как мы хотели бы строить программу, репертуар. И все же те спектакли, которые были отобраны для показа в Советском Союзе, на наш взгляд, отражают идею «Народовы» как польского народного театра. Думаю, что это общение советской публики с польским искусством и культурой способствовало дальнейшему духовному сближению наших народов.

Н. ЛУКИНЫХ

В нашей поэтической рубрике

Владимир ЦЫБИН

Две стороны земли

Две стороны земли легли,
легли границы.
По эту сторону земли
живут зарницы,

здесь открываются сердца,
светясь,
друг другу,
тебя увозят поезда
в ночную вьюгу.

Здесь все мое — поля, леса,
здесь — мои корни,
бежит каленая гроза
по звонкой кровле.

Здесь расступился смелый бор,
осыпан звоном,
пылают копны, как костер,
огнем зеленым,

стартуют в небо корабли
туда, в бессмертье.
По обе стороны земли
легло столетье,

стоят под звоном золотым
хлеба повсюду...
Я здесь — земле необходим,
здесь — верю чуду.

В знаменном радостном огне
горит эпоха.
...На той, жестокой, стороне
дней суматоха.

Там в бункера:. плетется сеть
беды для сирых
и доспевает моя смерть
во тьме пробирок,

налиты силой неживой,
встают ракеты.
На той, на страшной,
биржевой
жертвы рассветы.

Не зря сквозь нам грозящий ад,
испепеленье
в груди планеты Бухенвальд
гудит все время.

Для смерти, пепла и золы
расщеплен атом?..

Цве стороны
судьбы земли —
восход с закатом.

Но знают все мои года,
что у планеты
одна — трава,
одна — вода,
одни — рассветы,

что не погибнет шар земной
в смертельном смерче.
На этой стороне дневной —
мое бессмертье.

За час до войны

Ветра плеск в безотзывную водь.
Перепелка зашлась:
«Пить-полоть», —
и по гривам буланым текла
предвоенная скользкая мгла.

Подрезал неуверенно, влет
перекатную звень перемет.
Брат сказал мне,
садясь на траву:
— Жизнь какая! Сто лет проживу.
Только в мгле над его головой
ветер с запада шел ножевой.
(Через злые четыре весны
не вернулся домой он с войны.)

Стлалась ломкая синь над селом,
и вдали у колодца на миг
загремел кто-то громко ведром...
Вспыхнул девичий смех и затих...
(Через месяц всего
молодой
стать в селе нашем
первой вдовой.)

И ложились плашмя на плетень
день — с востока
и с запада — тень.
Вот тогда под табачный дымок
баянист песню взвил —
и замолк.
(Через год он вернется без ног
на холодный сиротский порог...)

Это что? Это запах густой?
Мир застыл, вмерз в него
на земле,
где прижалась скирда золотой
головой к уходящей заре.

Сердце, стой!
Сердце, стой!
Сердце, стой!
Ах, какая заря на земле,
и ее через час пулемет
на четыре весны разорвет...

И пред самою страшной бедой
мерз под сдобные сельские сны,
крепко удочку сжав над водой,
я у самого края войны.
И дрожала, темна, тяжела,
тишина на крыле у орла...

■

Опять над тихим русским полем
и над дорогой кочевой
родным повеяло покоем
и однозвучною травой.

По благословенной ровной рани
в какие грозные края,
в какую даль меня заманит
простор
и эта колея?

Бежит то круто, то отлого
средь тишины, снегов и гроз
неутомимая дорога
на сотни дней,
на тыщи верст.

И через ливни,
через зимы,
изменчивые времена
бредут телеги,
мчатся «ЗИЛы»,
кочуют стройки и страна.

И для меня теперь родные
среди прославленных равнин
не колокольчики былые,
а гул моторов, шелест шин.

Она от самого начала
то пасмурна,
а то светла,
меня просторам предсказала,
меня жалела и вела

простая русская дорога —
на всю судьбу мою одна,
меня испытывала строго
и во спасенье мне дана.

■

Вся из тени, вся из света,
отрекаясь и маня,
ты ушла по краю лета,
ты ушла по краю дня,

ты ушла и не простила.
А когда взглянул я вслед —
словно вьюгою скосило
незабвенный силуэт.

Я хочу из мглы туманной,
не сдаваясь забытью,
взгляд твой терпкий и обманный
взять в бессонницу свою,
взять хочу такой желанный
из любимого всего —
этот бег улыбки странный
расставанья моего,

как по лиственным сугробам
шла ты,
легкая, как дым,
как сжимало грудь ознобом,
чем-то горестным, сквозным.

Незабвенно я все это
до сих пор в себе таю,
как вошла по краю лета
ты в бессонницу мою...

Верни туда...

Я прошлого прошу!
Жизнь, мне верни
озноб брусники у колен любимой
и утреннюю прозябь той весны —
заманчивой, степной,
неповторимой.

Верни мне дождь —
пусть он обдаст меня
в безудержные, радостные
всплески,
чтоб он бежал, копытцами звеня,
в молоденьком отзывчивом
подлеске.

Я прошлого прошу еще!
Ведь в нем
еще доныне сердце в боль одето,
и над моим закрепощенным днем
бессмертное перегорает лето.

Верни меня скорее в белозорь
на переплеск
речного переката,
туда, где кисть
под спелою лозой
пыланьем тучным, праведным
объята.

Верни туда,
где грусть моя мала,
где сердце навсегда меня связало
и с высью, что над думой пролегла,
и с далью, где звезда любви
упала...

В глазах остыл
мгновенный горький дым,
а на губах — предсказанное слово.
У прошлого учитель лишь один —
освобожденье сердца от былого.

Затем, наверно,
жизнь моя взошла,
чтоб я любил
сильней всего на свете
гроздь винограда,
запахи села,
боль сладкую взметенного крыла
и тайное предназначенье ветви...

■

Уже остужена прохладой,
уже дрожит едва-едва
на самом крае листопада
раскрепощенная листва.

Тальцой неверной и некрепкой
слегка подернулась земля,

А дождь стучит о крышу
всю ночь, самозабвенный,
его как будто слышу
я из другой вселенной...

■

Средь слепого половодья,
среди летошней листвы
по земле весна проходит
в сторону твоей любви.

И забуду я едва ли,
как, от дня уйдя в бега,
в сторону твоей печали
разбегаются снега.

Не с того ль сгорают снеги,
не с того ль сквозь зимний прах
вновь звенят капелей серьги
у сосеночек в ушах?

В беззащитном сне, как диво,
думам ты своим не в лад
плавать сердце отпустила
возле крыльев журавлят.

Там оно — в движенье странном,
в сне, приравненном к векам,
прикасается к туманам,
к сини,
к крыльям,
к облакам,

прикасается без грусти,
прикасается не вдруг.
Сны летят твои, как гуси,
тихо в сторону разлук.

Я хочу, чтоб плыли сосны
в дыме,
чтоб в родном краю
по земле ходили весны
только в сторону твою...

■

Вот расступилась мгла,
ветер сосновый свеж.
Сердце переплела
легкая эта снежь.

Этой весною дни
зыбкие, словно льны.
Сердце,
повремени
около тишины!

Слышать хочу я взлет
ясных, распевных дней
и как снега сметет
крыльями журавлей.

Слышать хочу я зов
песни в мои края,
как в забытье годов
перетекаю я.

Скоро взметнется лист,
вскинутся вновь ручьи.
День мой высок и чист,
дали чисты мои...

■

От этой сторожки недальней,
от этих промозглых полей,
притянутый далью фатальной,
уносится клин журавлей.

По Вологде, по Семиречью
сочтешь разве трепетно всех?

Леонид ЛЕОНОВ (снимок сделан 28 марта 1984 года в Музее А. М. Горького в Москве)   Фото Н. ПЕТУХОВА

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Мустай КАРИМ:

литературного процесса в ■

Не зря сквозь нам грозящий ад,
испепеленье
в груди планеты Бухенвальд
гудит все время.

Для смерти, пепла и золы
расщеплен атом?..

Леонид ЛЕОНОВ (снимок сделан 28 марта 1984 года в Музее А. М. Горького в Москве) Фото Н. ПЕТУХОВА

Затем, наверно,
жизнь моя взошла,
чтоб я любил
сильней всего на свете
гроздь винограда,
запахи села,
боль сладкую взметенного крыла
и тайное предназначенье ветви...

■

Уже остужена прохладой,
уже дрожит едва-едва
на самом крае листопада
раскрепощенная листва.

Тальцой неверной и некрепкой
слегка подернулась земля,
и журавлей на небе ветка
протянута назад, в поля.

Сквозь эту синь,
сквозь эту млечность
куда намечу
я свой путь,
где тишь бессильная, как вечность
внезапно мне ворвется в грудь?..

■

То ль зов,
то ль эха клочья,
то ль ливня междометья —
донесся колокольчик
из прошлого столетья.

как в забытье годов
перетекаю я.

Скоро взметнется лист,
вскинутся вновь ручьи.
День мой высок и чист,
дали чисты мои...

■

От этой сторожки недальней,
от этих промозглых полей,
притянутый далью фатальной,
уносится клин журавлей.

По Вологде, по Семиречью
сочтешь разве трепетно всех?
А думы мои
им навстречу
летят в летаргический снег.

Относит с земли их остылой
от стыни, от вьюги, от льда.
И все ж
с еще большею силой
назад их потянет, сюда.

Какое, должно, это счастье,
когда, появившись вот тут,
их крылья истертые
властно
российскую синь обовьют...

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Мустай КАРИМ:

МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Накануне Первомая Герой Социалистического Труда, народный поэт Башкирии Мустай Карим был удостоен звания лауреата Ленинской премии. В связи с этим у него побывала корреспондент «ЛГ» Т. Архангельская.

— Вы спрашиваете, какие чувства я испытываю сейчас, какие мысли приходят ко мне? Тут однозначно не ответишь. Радость смешивается с озабоченностью, на удовлетворенность падает тень смущения. Это действительно так. Ибо Ленинская премия — высшее признание труда человека при его жизни. Тут есть о чем задуматься. В подобных случаях, очевидно, каждый творческий человек испытывает то же самое или близкое к этому. Но одно чувство сейчас возвышается над всеми другими. Это — чувство признательности Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству за то, что среди имен лауреатов этого года оказалось и мое имя.

Все-таки меня одолевает смущение: в полной ли мере соответствует такому высокому признанию сделанное мною до сих пор? Вопрос этот простой и прямой, но на него мне не ответить. А ведь вопросы рождаются не только любопытством, но и сомнениями. Притом мне не хочется употреблять тут довольно ходкое слово «аванс». Это рискованно и несколько самонадеянно. Произнеся его, подспудно допускаешь, даже обещаешь, что в будущем ты сделаешь больше и лучше. Если так не получится, так не сможешь, то аванс окажется неправомерным и досада будет немалая. Это событие я принимаю, как оно есть, принимаю, конечно, не без робости, принимаю с сознанием меры своей ответственности перед людьми и перед советской литературой в дальнейшем.

Не могу скрывать — у меня в душе праздник. Он особенный, неповторимый. До него была долгая жизнь, после него — ее продолжение. В этот день я прежде всего держу ответ перед самим собой за минувшее, за все то, что зависело лично от меня в бою, в жизни, в литературе. Я старался жить и работать, подчиняясь сознанию, что и от одного человека зависит многое, если он в пути неодинок. Я не был одиноким в пути. Какое это великое благо — ощущать тепло человеческого доброжелательства, которое не только окружает тебя извне, а также проникает в твое сердце! Это тепло всегда помогало мне видеть и принимать жизнь прежде всего с солнечной стороны и поведать о том в своих книгах. Когда пишу, я не имею намерения кого-то удивить, порадовать или опечалить. Пишу оттого, что сам удивляюсь, радуюсь или печалюсь. Если читатель и зритель поверят в мою искренность, разделят мои порывы и раздумья, то нет дороже для меня отрады. Такую радость испытываю я иной раз, раскрывая письма моих читателей или сидя в зрительном зале.

Судя по вашим глазам, вы уже готовы считать, что меня обходили беды, неудачи, огорчения, что не о чем мне сожалеть. Нет, так не считаете? Тогда хорошо. Было всякое. Но все же в целом нет у меня основания сетовать на долю свою или жестоко корить себя. Но сурового упрека самому себе не избежать мне за то, что порою, путая, где суть бытия, где суета, упускал священные часы для деяния, не дорожил временем, которое во мне, которое подвластно только мне. Остается лишь извлечь урок из этого.

И вот о чем еще я думаю. Отмеченные премией моя повесть и трагедия в стихах, как и все другие вещи, написаны на родном языке и принадлежат в первую очередь башкирской литературе. При этом я благодарно помню о том, что и язык мой, и литература обрели завидный дар речи и достигли подлинной зрелости лишь после октябрьского рубежа в народной судьбе. Почти всех зачинателей нашей молодой литературы я знал в лицо. У них я учился не только изяществу слога, но и верности, и преданности Слову, бескорыстию в служении ему. Они внушали мне не говорить того, чему люди не поверят. Имена иных со временем потускнели, но они все равно светятся во мне. Это я говорю о корнях, об истоках. А мудрая и страстная русская литература всю жизнь наставляет меня: не говори слов, когда нет мыслей, не плачь, когда нет слез. Это, конечно, еще не значит, что все уроки я сумел усвоить, так как каждый постигает свою правду и секрет ремесла в меру своих возможностей.

Многое из написанного мною вышло за родные пределы благодаря переводам на великий русский язык. В этом мне повезло. Меня переводили те, чьи убеждения совпадали с моими, чья душа угадывала мою. Их немного. И никого из них, начиная с Алексея Недогонова, который впервые напечатал мои стихи в своем переводе во фронтовой газете, сердце мое от себя не отринуло, наоборот, с годами дружба обернулась братством. Поэтому первым спешу нынче к ним, кто в живых, поделиться своей радостью, кого нет — кланяюсь их памяти.

Еще в молодости после получения мною первой награды мой старый товарищ сказал: «Радуйся случившемуся, но работай так, будто ничего не случилось». Хороший был совет. Праздники быстротечны, будни идут не спеша. В будни надобно трудиться. Вот и тружусь над повестью из времен прошедшей войны под условным названием «Помилование».

УФА.

24 апреля в секретариате Союза писателей СССР состоялось совместное заседание секретариатов правлений Союза писателей СССР, Союза болгарских писателей и Союза переводчиков Болгарии. В состав советской делегации входили секретари правления СП СССР М. Алексеев, Ю. Верченко, Ю. Воронов, Ан. Иванов, Е. Исаев, Ф. Кузнецов, С. Михалков, С. Сартаков, Н. Федоренко, О. Шестинский, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты» Ю. Изюмов, зам. председателя Иностранной комиссии СП СССР В. Коткин.

Болгарскую делегацию представляли первый заместитель председателя Союза болгарских писателей Николай Христозов и председатель Союза переводчиков Болгарии Леда Милева (руководители делегации), Лучезар Еленков, Младен Исаев, Евтим Евтимов, Симеон Султанов, Милко Милков, Йордан Радичков, Людмила Исаева, Христо Стефанов, Сильвия Борисова, Борис Дамянов, Симеон Владимиров, Манол Наков, Мария Иванова, Коле Петков, Юлия Бучкова.

БРАТСТВО НАРОДОВ — ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

Открывая совместное заседание, секретарь правления СП СССР **Юрий Верченко** сердечно приветствовал болгарских друзей.

В этом году, подчеркнул он, в жизни советского народа произошли исключительно важные события. Состоялись февральский и апрельский Пленумы ЦК КПСС, прошли выборы в Верховный Совет СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Эти события вновь ярко продемонстрировали нерушимое единство Коммунистической партии и советского народа. Союз писателей СССР горячо одобряет решения партии. Наши художники слова ясно осознают, какая большая ответственность лежит на них в исследовании тех проблем, которые ставит перед ними действительность.

Союз писателей СССР начал активную подготовку к празднованию великой даты в истории нашей Родины — 40-летию Победы над фашизмом. В этом году мы будем также отмечать 50-летие создания Союза писателей СССР, у истоков которого стоял основоположник советской литературы А. М. Горький. Этот славный юбилей, подчеркнул Ю. Верченко, явится творческим отчетом советской литературы перед партией и народом.

Первый заместитель председателя Союза болгарских писателей **Николай Христозов** заявил, что совместное заседание секретариатов писательских союзов социалистических стран — это традиционная, испытанная временем форма литературного сотрудничества, свидетельство братской дружбы литератур Болгарии и Советского Союза. В этом году, продолжал он, исполняется 40 лет социалистической революции в Болгарии. В марте состоялась Национальная партийная конференция. Апрельская дискуссия, которая подвела итоги минувшего литературного года, показала зрелость современной болгарской литературы, единство всех поколений писателей на основе коммунистической идеологии и принципа партийности в литературе.

Русская и советская литература, сказала председатель Союза переводчиков Болгарии **Леда Милева**, всегда играла огромную роль в духовной жизни нашего народа. Наш Союз переводчиков проводит большую работу по ознакомлению болгарских читателей с лучшими достижениями многонациональной литературы Страны Советов.

На совместном заседании секретариатов союзов писателей СССР и Болгарии шел содержательный, дружеский и откровенный разговор об актуальных и важных проблемах литератур братских стран. Состоялся полезный обмен информацией о развитии литературного процесса в наших братских странах. Широкую, впечатляющую панораму многонациональной советской литературы наших дней нарисовали в своих выступлениях **Сергей Сартаков, Сергей Михалков, Феликс Кузнецов.** Характерными ее чертами сегодня являются активное вмешательство художника в жизнь, партийная публицистичность.

О развитии сегодняшней болгарской прозы и поэзии, о документалистике и литературной критике, о достижениях в области художественного перевода обстоятельно рассказали в своих выступлениях **Младен Исаев, Людмила Исаева, Лучезар Еленков, Борис Дамянов, Симеон Султанов, Евтим Евтимов.** Выступавшие отметили, что 40-летие социалистической революции болгарская литература встречает в тесном единстве с партией и народом. Залог ее успехов — коммунистическая идейность, гражданская активность и социалистический гуманизм, нерушимая дружба с советской литературой. Вместе с писателями СССР болгарские коллеги активно готовятся отметить 40-летие Победы и 50-летие создания Союза писателей СССР.

На совместном заседании были обстоятельно обсуждены вопросы дальнейшего углубления и расширения советско-болгарского литературного сотрудничества. В выступлениях **Анатолия Иванова, Юрия Воронова, Николая Федоренко,** в речах **Лучезара Еленкова, Евтима Евтимова, Симеона Султанова, Милко Милкова** — практически всех участников заседания — прозвучала мысль, что единство социалистических литератур — веление времени. В условиях резко обострившейся идеологической борьбы, когда рейгановская администрация провозгласила «крестовый поход» против социализма, прогресса и мира, советские и болгарские писатели видят свой гражданский и творческий долг в том, чтобы еще активнее, наступательнее сражаться оружием слова с силами империалистической реакции, с антисоветизмом и антикоммунизмом. Наши книги, подчеркивали они, воюют за нашу коммунистическую правду, за самые светлые идеалы человечества, за мир, против угрозы термоядерной катастрофы.

Краткие итоги совместного заседания подвели в заключительных выступлениях **Николай Христозов, Леда Милева и Юрий Верченко.**

Мы обсудили важные проблемы, отметил Николай Христозов, обогатили друг друга опытом и новыми идеями. Крепить единство братских литератур — наша главная обязанность. Мы сегодня наметили новые пути советско-болгарского литературного сотрудничества, подчеркнула Леда Милева.

На каждом совместном заседании секретариатов, сказал в заключение Юрий Верченко, мы вместе с друзьями подводим итоги, внимательно вглядываемся в настоящее наших литератур, намечаем планы на будущее. Единство советской и болгарской литератур покоится на прочном фундаменте дружбы наших народов и наших партий. Советские и болгарские писатели сознают свою ответственность перед временем. Можно с уверенностью сказать, что они будут и впредь крепить дружбу и единство социалистических литератур.

На заседании присутствовали советник посольства НРБ в СССР Богомил Грозданов и третий секретарь посольства Христо Георгиев.

В совместном заседании секретариатов СП СССР и Болгарии принял участие заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС В. А. Степанов.

* * *

25 апреля состоялось заседание советско-болгарской смешанной комиссии по сотрудничеству, переводу и изданию художественной литературы. Заседание вели секретарь правления СП СССР О. Шестинский и главный секретарь Союза болгарских писателей Л. Еленков.

О МОЛОДОМ ГЕРОЕ

Состоялась творческая конференция в редакции журнала «Юность» на тему «О проблеме молодого героя в современной литературе, значении решений июньского (1983 г.), февральского и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС, указаний и выводов, содержащихся в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, для развития советской литературы и искусства». Вел конференцию секретарь правления СП СССР, главный редактор журнала «Юность» А. Дементьев. В обсуждении приняли участие А. Алексин, Е. Сидоров, О. Попцов, В. Амлинский, К. Ковальджи, А. Ольшанский, Г. Резниченко, В. Мириев, украинский кинорежиссер О. Фиалко и другие. В работе конференции принял участие парторг МГК КПСС в Московской писательской организации Н. Самвелян. Это первая творческая конференция из тех, что будут проведены на базе столичных журналов.

Встреча с министром внутренних дел СССР

Министр внутренних дел СССР В. В. Федорчук встретился с редколлегией и работниками «Литературной газеты». Он проинформировал собравшихся об основных направлениях деятельности органов внутренних дел по укреплению социалистической законности и правопорядка в свете решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС, положений и выводов, содержащихся в речах Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко на февральском и апрельском Пленумах и его выступлении перед избирателями; ответил на вопросы журналистов.

Вел встречу главный редактор «Литературной газеты» А. Чаковский.

ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Алла МАРЧЕНКО — Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ

ДИАЛОГ КРИТИКОВ

ПОДКИДЫШИ?.. НЕТ, РОДНЫЕ!

Алла МАРЧЕНКО. Наверное, сколько лет существует советская многонациональная литература, столько лет и обсуждается проблема положительного героя. Обсуждается заинтересованно, даже страстно. Потому что проблема эта — одна из центральных. Правда, мне показалось, что Виктор Тельпугов и Михаил Синельников, начавшие новый «виток» обсуждения проблемы положительного героя («ЛГ», № 16, 1984), больше соглашались друг с другом, нежели спорили. Запомнилось любопытное признание В. Тельпугова: «...Скажу со всей определенностью: на мой взгляд, рассказывать о добрых, светлых началах жизни — дело самое что ни на есть увлекательное». И далее писатель говорил, что для него понятие «идеальный» в применении к личности героя существует «в живом, реальном значении, а отнюдь не в выдуманном, по рецептам сконструированном».

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ. Что такое положительный герой сегодня?.. В прозе последних лет, не только грузинской, проблема эта стоит очень остро, чего, к сожалению, не скажешь о критике, во всяком случае грузинской уж наверняка. В последние годы у нас создано немало произведений, которые отмечены высокой правдивостью, глубоким проникновением в современную жизнь и, естественно, яркими образами героев, именно положительных героев. Таковы, например, «Закон вечности» Нодара Думбадзе, «Что произошло в Абаше» Константинэ Лордкипанидзе, «Год активного солнца» Гурама Панджикидзе, роман Рамаза Кобидзе о шахтерах «Листья папоротника» и другие. Здесь же необходимо подчеркнуть, что наряду с правдой времени герои несут в себе и правду национального характера. Я должен признаться, что люблю (да, критики тоже могут любить!) героев Олеся Гончара, Чингиза Айтматова, Василя Быкова, Юрия Трифонова за величие их духа, за то, что они раскрывают характер, образ жизни, мировосприятие современных нам людей. Сколько есть бессмертных образов в классической литературе и современной прозе, воплощающих красоту души русской женщины, но все это с новой неповторимой яркостью мы увидели и почувствовали в Настене из повести Валентина Распутина «Живи и помни»!.. Я люблю этих героев еще и потому, что они дают мне возможность лучше понять укра-

ва. Ее герой — жулик, делец, махинатор. Но он способен раздобыть в современном городе рог живого носорога! Рог, правда, нужен всего лишь для омолаживающего зелья, рецепт которого предприимчивый человек вычитал в старой лекарственной книге. Но если его дети, биологи, занимаясь наукой, проявят столько же изобретательности и настойчивости, а, судя по всему, в этом отношении они скорее в отца, чем в мать и деда, у печальной повести Ибрагимбекова и в самом деле не такой уж плохой конец!

Г. Г. Откровенно говоря, несколько неожиданная теория. Я не собираюсь спорить с Максудом Ибрагимбековым. Такая коллизия не противоречит ни художественной, ни жизненной правде, но делать из этого столь обобщающие, тем более обнадеживающие выводы мне кажется не только смелым, но и...

А. М. Но, с другой стороны, если у человека нет жизненных сил, запаса биоэнергии (а таких «положительных», пассивных, бездеятельных героев в нашей современной литературе мы встречаем довольно часто), — от такого человека ведь и ждать нечего! Если же биоэнергия есть, то есть и надежда, что она получит иное, лучшее применение...

Г. Г. При всей увлекательности предложенной нами концепции я все же позволю себе усомниться в ней, основываясь прежде всего на жизненном опыте, а затем уже на литературном материале. Я далек от теоретизирования, но, думаю, здесь надо принимать во внимание не только генетическую наследственность, но и общественную среду, в которой формируется человек. Упрощенно говоря, вряд ли можно ждать, что отпрыск «дельца», взращенный и взлелеянный им, может унаследовать от отца что-нибудь хорошее. И второе: вспоминая случаи из жизни, которые могли бы иллюстрировать предложенную

ва, но сами они как личности непривлекательны. Холодны. Черствы. Порой даже циничны. В каком-то смысле даже несовместимы с моральными нормами общества, ради блага которого живут и работают. Когда в начале нашей беседы вы говорили о «холодном» потоке, думаю, подразумевали и эту тенденцию, и подобных героев.

А. М. На несентиментального молодого человека деловой выправки лет десять назад и в самом деле возлагали большие надежды. Напомню диалог Льва Аннинского с Георгием Семеновым, опубликованный в «Литературной газете»...

Г. Г. Неужели это было так давно?

А. М. В 1974 году. Критик тогда упрекал Г. Семенова в том, что и он, и писатели его плана боятся делового человека: «Почувствовав прагматика, вы выступили против него — и напрасно, потому что нужно не против него выступать, а его переделывать: в нем же чудовищная энергия клокочет!». Но задумаемся: где эта чудовищная энергия? Точнее,

Г. Г. Дата — действительно великолепный герой, недаром его так полюбил читатель. Но поймите меня правильно: подобных «подкидышей» сравни-

или последний миллион, ты все равно теряешь последнее достояние»...

А. М. Меня в этой связи интересуют произведения грузинских, и не только грузинских, прозаиков среднего поколения, упорно выдвигающих в герои нашего времени человека, который не желает участвовать в конкурсных «гонках». Видимо, и таких персонажей имел в виду Анатолий Афанасьев, когда говорил о «рыцарях без доспехов» («ЛГ», № 17, 1984). Наглядный пример — «Гость» Гурама Гегешидзе. Четверо молодых людей. Четыре кандидата в положительные герои. Начинается испытание жизнью. Один из «мушкетеров» гибнет в альпинистском походе, второй стал карьеристом, третий не состоялся как художник. По мысли автора, лишь последний, четвертый, сумел сдать экзамен на порядочного человека;

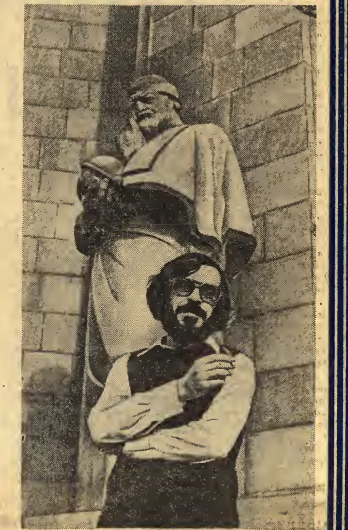
своего рода реакция на «накопления» этих писателей. Недавно в нашей республиканской «Литературной газете» была опубликована статья Отара Чхеидзе. На материале простого, непритязательного рассказа из грузинской классики он создал блистательную пародию на всевозможных любителей выискивать «парадизмы» и «подтексты» там, где их никогда не было. Сказать по правде, мы, критики, увлекаясь новациями, подчас обделяем вниманием писателей строго реалистического направления. Употребляя этот термин, я вовсе не собираюсь отлучать от реализма те произведения, о которых уже шла речь, от реализма в широком смысле...

А. М. То есть если понимать под реализмом не жизнеподобие, а высшую меру художественной точности...

Г. Г. Вот именно. Так вот, среди писателей, работающих в строго реалистической манере, в первую очередь надо назвать Константинэ Лордкипанидзе. Вот у кого жизнь врывается в литературу, вот у кого интереснейшие характеры со всей их сложностью, противоречивостью. И не только в романах, справедливо причисленных к классике, не только в повестях и рассказах, но и в созданной в последние годы документальной трилогии «Что

ХАРАКТЕРЫ, ХАРАКТЕРЫ, ХАРАКТЕРЫ...

Фото Т. БАЖЕНОВА, В. БОГДАНОВА, В. КРОХИНА

ИЗ ПОЧТЫ ОТДЕЛА КРИТИКИ «ЛГ»

(да, критики тоже могут любить!) героев Олеся Гончара, Чингиза Айтматова, Василя Быкова, Юрия Трифонова за величие их духа, за то, что они раскрывают характер, образ жизни, мировосприятие современных нам людей. Сколько есть бессмертных образов в классической литературе и современной прозе, воплощающих красоту души русской женщины, но все это с новой неповторимой яркостью мы увидели и почувствовали в Настене из повести Валентина Распутина «Живи и помни»!.. Я люблю этих героев еще и потому, что они дают мне возможность лучше понять украинский, киргизский, казахский, белорусский, русский народы.

А. М. Не кажется ли вам, что в нынешнем литературном море отчетливо различаются два течения — теплое и холодное? В. Тельпугов ведь не случайно употребил применительно к положительным героям метафору «тепло в стужу». Мне представляется, что литературный «гольфстрим» формируется усилиями писателей, занятых исследованием национальных характеров и типов, сложившихся на основе многовекового развития. А «холод» и «льды» приносят охотники за новью, за новыми характерами и новыми типами...

Г. Г. Я воздержусь от столь категоричного противопоставления и напомню вам, что эти два течения могут сосуществовать и в творчестве одного художника. Возьмите Отара Чхеидзе. Его короткие рассказы о стариках крестьянах из цикла «Этюды моей деревни», следуя той же метафоре, можно назвать «теплыми». Но Чхеидзе — автор «Квернаки», где схвачен на лету характер «комбинатора» новейшего образца! От этой иронической зарисовки веет «крещенским холодом»!

А. М. Это возражение?

Г. Г. Скажем так — уточнение.

А. М. Тогда предложу — для размышления — еретическую мысль. Мы привычно и безоговорочно осуждаем людей, подобных герою «Квернаки». Но ведь это люди с огромным запасом жизненной энергии, с ярко выраженным «рефлексом цели», в достижении которой они весьма напористы и изобретательны.

Г. Г. Но цель-то — узкоэгоистическая: собственная польза, собственная карьера.

А. М. И все-таки... Есть человек, наделенный волей к действию. Так сказать, рыцарь частной инициативы, способный преодолеть любое препятствие. Да, результат, на который нацелена его воля, аморален. Но давайте посмотрим на данный социально-биологический тип во временной перспективе. Ведь не исключено, что напористый махинатор «передаст» свою активность сыну или внуку. А сын или внук, в силу закона отталкивания или волею обстоятельств, поставит перед собой иную цель — благородную — и будет бороться за нее с унаследованной от отца энергией. Я не строю схему на песке, я схематизирую коллизию «Истории с благополучным концом» Максуда Ибрагимбекова на литературном материале. Я далек от теоретизирования, но, думаю, здесь надо принимать во внимание не только генетическую наследственность, но и общественную среду, в которой формируется человек. Упрощенно говоря, вряд ли можно ждать, что отпрыск «дельца», взращенный и взлелеянный им, может унаследовать от отца что-нибудь хорошее. И второе: вспоминая случаи из жизни, которые могли бы иллюстрировать предложенную вами схему, я убедился, что дети, отказавшиеся от жизненной позиции «делового» родителя, теряют и их энергию или же сами стремятся подавить ее в себе, ибо в этом видят источник зла. Да и в литературе, например в «Камче чистой воды» и в «Годе активного солнца» Гурама Панджикидзе, сыновья не желают не только идти за чересчур «деловыми» отцами, но и хоть в чем-то походить на них.

НЕТ, РОДНЫЕ!

А. М. Предложенная вами формулировка предполагает наличие осознанной позиции, убежденности в своей правоте. Но ничего этого нет у героя «Года активного солнца». И если ставить диагноз, я бы сказала, что у него нечто вроде «индижестии», а в результате — отсутствие аппетита к жизни. И вряд ли эту болезнь души можно объяснить «нравственной забастовкой» — бессознательным «бунтом» «обманутого сына» против «промотавшегося» (нравственно) отца! Возьмите для сравнения Антонова, героя повести Вацлава Михальского «Холостая жизнь». Он вырос в другой среде, без отца, сам пробивает себе дорогу. А болезнь — та же: «...При внешней благополучности всех своих дел, он был близок к полному истощению инерции жизненных сил и ему было действительно безразлично, защитит он докторскую или не защитит. Не стимулировала даже весьма солидная прибавка в жалованье...».

Г. Г. Лично я остерегаюсь подобных противопоставлений. Герои Михальского, Панджикидзе или любого другого писателя могут быть разными, даже исключающими друг друга, но одинаково нести правду жизни, правду характера. И добавлю: несостоявшиеся — неважно, по какой причине — карьеристы, на мой взгляд, куда симпатичнее состоявшихся!

А. М. Дело не в наших личных пристрастиях. Верен или не верен характер, подмеченный писателем, — так ставил вопрос Н. Чернышевский.

Г. Г. Гурам Панджикидзе — писатель, обладающий острым чувством современности. Он один из самых удачливых охотников за новым, и у меня нет основания не верить его художественному и социальному чутью. Но сейчас мне хочется обратить ваше внимание на другую тенденцию, иное направление поиска: я имею в виду тех литературных персонажей, чьи деятельность и энергия, несомненно, направлены на благо общества, и тем не менее... Не кажется ли вам, что писатели пытаются не против него выступать, а его переделывать: в нем же чудовищная энергия клокочет!». Но задумаемся: где эта чудовищная энергия? Точнее, энергии хоть отбавляй, вот только в каком она русле? Авторы тут ни при чем. Они и рады бы выдать своих героев за людей Дела и погордиться ими, как гордился, скажем, Олег Куваев, рассказывая о поселенцах Территории. Но истина дороже хотения. А истина заключается в том, что, несмотря на обилие кандидатов, вакансия по-настоящему современного делового человека, по-моему, не заполнена. Околоделовых людей — карьеристов, службистов — сколько угодно. И тех, кто только имитирует деловитость, хватает. Даже деловые мечтатели, вроде Олева из нашумевшей повести эстонки Мари Саат «Катастрофа», и те появились. Но где деловой человек, которого, не прибегая к биологическим парадоксам, можно назвать положительным героем современности?

Г. Г. Не слишком ли категорично?

А. М. Оглянитесь! Положительные герои в «нетях», а их место занимают временно исполняющие эту обязанность. Причем главным образом колоритные старики и старухи, представляющие коренной народный тип, подобные Анне Вал. Распутина, Урузмагу Н. Джусойты, Юзасу Ю. Балтушиса...

Г. Г. Подобные герои и в грузинской прозе есть. Их большое сердце, человеческое достоинство пленяют нас. Вспомните рассказы и повести Реваза Инанишвили, Нодара Думбадзе, Арчила Сулакаури... Но почему вы зачислили их в разряд «врио»?

А. М. Да потому, что ко всем этим персонажам могут быть отнесены слова Пастернака: «Чутьем, по своей одухотворенности, проза ищет и находит человека в категории речи, а если век его лишен, то на память воссоздает его, и подкидывает, и потом, для блага человечества, делает вид, что нашла его среди современности».

Г. Г. При всем моем глубоком почтении к Пастернаку я не могу разделить эту его мысль. Век не может быть и не бывает лишен героя. Может, это мы не видим его или не там ищем? Вы что же, считаете, что наш век не создает героев?

А. М. Таких, как старуха Анна Распутина, нет. И таких, как Дата Туташхиа, тоже. Дата, великолепный и безукоризненный, «подкинут» нам волей и мыслью автора. И притом с воспитательной целью — как идеальный пример для подражания.

Г. Г. Дата — действительно великолепный герой, недаром его так полюбил читатель. Но поймите меня правильно: подобных «подкидышей» сравнительно легче, удобнее создавать, имея талант и воображение. Нашей же прозе нужен «живой» герой нашего времени! Позарез нужен, и она ищет его. Поиск этот труден... «Лицом к лицу лица не увидать». Но поиск этот не так бесплоден, как вам кажется.

А. М. Помните эпизод из рассказа Гурама Дочанашвили «Аралети, Аралети»? «Все мы тут свои, все твои близкие, соседи твои... твои доброжелатели!.. И видим, гложет тебя тоска... скажи, Папико, признайся, что тебя мучает?.. Скажи, и полегчает на душе... И Папико сказал: Человек нам нужен, муж».

Г. Г. Но можно встать и на ту точку зрения, что каждый живой человек — уже человек...

А. М. ...На ней от века стоит беллетристика. Но большой литературе все равно нужен «человек, муж».

Г. Г. Но разве не муж и не человек — и именно в данном смысле — Едигей, герой последнего романа Чингиза Айтматова?

А. М. И муж, и человек. Но ведь если говорить всерьез, то и Едигей — «подкидыш». И он «подкинут» нам Айтматовым пусть из недавнего, но уже прошедшего времени!..

Г. Г. Нет уж, позвольте, он никак не «подкидыш»! Он родной для меня человек, он наш современник, притом великий, именно великий современник и таким останется для грядущих поколений. И Бачана Рамишвили из «Закона вечности» Нодара Думбадзе...

А. М. Бачана Рамишвили — безусловно положительный герой. Но не сконструирован ли он из отдельных «положительных черт»?

Г. Г. Для тех, кто знаком с реальной средой, описанной в романе, этого вопроса нет. Слишком много в герое узнаваемых, в том числе и чисто автобиографических черт. Бачана — не идеальная модель, а личность, шагнувшая в литературу из жизни. Разумеется, один герой, даже типичный, не может представлять нацию в целом. Хочу, однако, вернуться к айтматовскому Едигею, поскольку мне очень импонирует его социальная активность, не связанная с «должностью».

А. М. Но чем меньше «должность» (а значит, и ответственность), тем легче быть хорошим.

Г. Г. Знаете поговорку: «Теряешь ли ты последний грош карьеристом, третий не состоялся как художник. По мысли автора, лишь последний, четвертый, сумел сдать экзамен на порядочного человека: отказался от борьбы за место под «столичным солнцем», уехал учительствовать в деревню, чтобы там, в сельском уединении, любить «древнюю, усталую землю» своих предков, ощущать «вечность вселенной» да проповедовать стремление к умеренности — «как в преуспеянии, так и в неудачах»...

Г. Г. Да, герой «Гостя» — глубоко порядочный человек, но его решение сойти с большой дороги на обочину, жить в стороне от основного потока жизни бесперспективно. Это не выход, а тупик.

А. М. Позиция, действительно, уязвимая. С нулевым «фортификационным профилем». Но, может быть, не будем торопиться осуждать ее? Вот что недавно довелось прочитать мне в статье о творчестве художницы Т. Назаренко: «Ведь не случайно в литературе, театре и кино распространился с определенного времени герой, отказывающийся от более высокого общественного положения, чтобы более прямо, честно и на равных общаться с людьми и делать общее дело, сохраняя, таким образом, свое нравственное «я». Не случайно стал распространяться и тип художника, литератора, артиста, который сознательно не хочет быть ярче других художников и своих зрителей, который обращается к своей аудитории не из эмпиреев мастерства, таланта, всезнания, а попроще, на равных»...

Г. Г. Мне как-то трудно представить себе, даже гипотетически, художника, который сознательно маскирует или «истребляет» собственную яркость! Но в самом рассуждении есть что-то здравое... Я знаю читателей, которым трудно постичь, скажем, глубины сложных романов Отара Чиладзе. Зато они легко понимают и принимают «Дату Туташхиа» при всех его условностях.

А. М. Вы не станете отрицать, что читабельность этого романа — не случайность, что она следствие авторского усилия, намврения, которое сам Чабуа Амирэджиби определил так: «говорить просто о сложном и неизвестном, а не сложно — о простом и знакомом»?

Г. Г. В грузинской, и не только грузинской, критике много говорили и об Амирэджиби, и об О. Чиладзе. В этот хор внесли свои голоса и мы с вами. Однако, по моим наблюдениям, в современной грузинской прозе созревает

А. М. То есть если понимать под реализмом не жизнеподобие, а высшую меру художественной точности...

Г. Г. Вот именно. Так вот, среди писателей, работающих в строго реалистической манере, в первую очередь надо назвать Константинэ Лордкипанидзе. Вот у кого жизнь врывается в литературу, вот у кого интереснейшие характеры со всей их сложностью, противоречивостью. И не только в романах, справедливо причисленных к классике, не только в повестях и рассказах, но и в созданной в последние годы документальной трилогии «Что произошло в Абаше», «Горец вернулся в горы», «Золотая гроздь». Без К. Лордкипанидзе, так же как и без Г. Гегешидзе и Резо Чейшвили, картина будет неполной, односторонней.

А. М. Согласна с вами! Мне трудно понять, как может быть оставлен в стороне художник такого обаяния, как Резо Чейшвили? А ведь тут, в случае с Чейшвили, не только обаяние, но широкий диапазон — от добродушных кутаисских «баек» до почти сатирических «Голубых мостов». Точный психологический рисунок — ни одной нотки фальши, ни одной погрешности против правды и вкуса. А главное — независимость взгляда, даже по отношению к своим любимым персонажам. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, писатели поколения Резо Чейшвили претендуют на новое не только художественное, но и социальное зрение. В романе Г. Гегешидзе «Гость» один из персонажей произносит такой монолог: «...У нас отсутствует истинное представление о самих себе, мы вечно шарахаемся от необоснованного оптимизма к крайнему скептицизму. Мы или чересчур беспечны или излишне разочарованы, или превозносим себя сверх всякой меры или совершенно пренебрегаем собственными талантом и способностями... Мы... лишены чувства меры! Мы все — беспечный, поверхностный народ, неглубокий и переимчивый, показной блеск слепит нас и застит все остальное. Появись среди нас двое-трое истинно великих человека, мы не поймем и не оценим их». Ни одному из своих героев, пусть даже самому отрицательному, К. Гамсахурдиа сказать такое ни за что бы не позволил...

Лет 150 назад В. Одоевский сам для себя составил «кодекс правильного человека», в котором записал, что человек должен сначала думать о человечестве, потом — о своем народе, потом — о своей семье, а лишь после всего этого — о самом себе.

Г. Г. Для уточнения: может, и не надо в такой четкой последовательности перечислять, ибо, в наш век особенно, все эти звенья органически переплетены и составляют единое целое. Во всяком случае, именно на этом трудном пути и ищет наша литература своего положительного героя. И если она, как мы утверждаем, зеркало жизни — значит, мы можем надеяться на завтрашний день нашего литературного героя.

ИЗ ПОЧТЫ ОТДЕЛА КРИТИКИ «ЛГ»

ПОЖЕЛАНИЯ НА ЗАВТРА

МОЖНО ЛИ советовать писателю, как надо писать? Вряд ли нужно это делать... Ну, а пожелания читателей, адресованные ВСЕЙ литературе? Думаю, что если бы таких пожеланий было побольше, они сослужили бы добрую службу: писатели имели бы некоторый ориентир в своем творчестве, лучше бы представляли тех, для кого они пишут.

Первое, что мне хочется пожелать некоторым писателям, — это освободиться от стереотипов, уже много лет кочующих из одного произведения в другое. Если, например, изображается научно-исследовательский институт, то там, как правило, только сплошь засилье карьеристов, которые не дают хода талантливым ученым, как будто нет у нас дружных творческих коллективов.

Если изображают ответственных работников, то эти почти идеальные люди всем хороши, да вот беда: не любят они своих жен, а предпочитают других женщин, и эти связи мучат их и мешают партийной деятельности. А те, кто после многотрудного напряженного рабочего дня спешит домой — к жене и детям, почему-то многих писателей «не устраивают».

Не повезло и секретаршам (при директорах заводов, председателях горисполкомов и других начальниках). Обычно это бездушные «церберы», падкие на подношения, обдающие презрением невзрачных, незнатных посетителей. А между тем сколько их, секретарш-трудяг, верных помощников руководителей предприятий, не за страх, а за совесть ведущих делопроизводство!

Так же стандартно изображаются работники торговли. Продавщицы в частности. Последние обычно вульгарны, хамоваты, развязны и притом не имеют настоящей любви, но мечтают о ней. Слов нет, таких продавщиц немало. Но не больше ли превеликих тружениц, целый день выстаивающих за прилавком? Как живут они? Каков вообще внутренний мир огромного количества людей простых профессий (уборщиц, проводниц, машинисток и других)? Как им удается при их однообразной трудной, а порой и грязной работе оставаться часто жизнерадостными, деятельными, терпеливыми? Вспомним, как в свое время юный Горький был потрясен рассказом Г. Флобера «Простое сердце» — о жизни кухарки. Где у нас произведения, способные потрясти повествованием о жизни тех, кто нам встречается каждый день в так называемой сфере обслуживания? (А ведь русская литература всегда отличалась вниманием к простым людям — от пушкинского Самсона Вырина до чеховских героев.)

Но, пожалуй, самым серьезным упреком нашим писателям будет упрек в том, что они, верно отражая отдельные негативные явления, НЕ ДАЮТ ИМ ОБЪЯСНЕНИЯ, не исследуют причин их появления. И пошляки, и пьяницы, и тунеядцы, и «куркули» в нашей литературе присутствуют. Но как могло случиться, что в стране, где нет социальных причин для пьянства, тунеядства, стяжательства и прочих пороков, живут их «представители»? А ведь еще Чернышевский писал, что искусство должно объяснять жизнь и выносить ей приговор. И как тут снова не вспомнить наших классиков! Мы ясно понимаем, что сделало Печорина «страдающим эгоистом», Плюшкина — «прорехой на человечестве», Обломова — рабом лени и апатии, почему Раскольников стал убийцей, а доктор Старцев — пошляком-стяжателем... Это второе.

Третье. Видимо, нашей литературе надо сделать шаг к самым узловым, актуальным (иногда — и самым больным) моментам нашей жизни. Что я имею в виду? Дело в том, что иные писатели весьма прочувствованно, с элегической грустью пишут о так называемых «умирающих» деревеньках и их жителях. А вот как чувствуют себя крестьяне, переселившиеся в дома со всеми удобствами, — об этом ни слова.

Или, например, сейчас много говорят о молодежи. Их, молодых людей, упрекают в пристрастии к замызганным джинсам и водке, в нигилизме, в равнодушии к культурному наследству, в холодной расчетливости и инфантилизме. С другой стороны, мы знаем немало чудесных ребят, которые достойно несут звание советского человека. А все вместе — это наше будущее и — загадка сегодняшнего дня. Кто из писателей возьмется за честное разгадывание этой загадки?

Кстати, вообще не помешало бы несколько «омолодить» нашу литературу, то есть сделать моложе ее главных героев. В этом отношении блестящий пример подает все та же классическая литература. Как вспомнишь ее героев — от Чацкого до чеховских трех сестер, — так невольно воскликнешь: «А ведь наши классики создали молодежную литературу!»

И четвертое. Не надо чураться острых, занимательных сюжетов. Правда, в критике нередко звучали заявления, что дело, мол, не в занимательности, а в глубине изображения проблем. Но мы, читатели, все-таки, грешным делом, любим остросюжетные произведения, да и не видим никакого противоречия между правдивым изображением жизни и так называемой занимательностью. Разве лучшие произведения советской литературы — «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Разгром» и другие — не остросюжетные произведения? Итак, пусть будет больше занимательных произведений, поднимающих важнейшие проблемы, глубоко анализирующих жизнь.

В. КВАШНИН

Московская область

У ПОЛКИ НОВИНОК

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ «У ВОЙНЫ — НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО»

Журнал «Октябрь», № 2. 1984.

ЗНАТЬ БЫ РАНЬШЕ...

Да, ЗНАТЬ БЫ раньше о том, что поведала мне Светлана Алексиевич документальным своим повествованием «У войны — не женское лицо», знать бы раньше, когда встречались на дорогах войны девушки-солдатки, когда видел их уже после войны. Конечно, жалели мы их, понимали, что трудней им на войне, чем нам, но вот того, насколько несовместима война с женской психологией, со всем их естеством — не знали. Они не рассказывали нам ни о чем, порой скрывали, что были на фронте. Боялись, что не так относиться к ним будут, а ведь их всех на руках надо было носить, голову перед ними склонять, руки их целовать. А мы... мы не знали, не предполагали и малой толики из того, что пережили, что перечувствовали эти девчонки и как неестественна была для них война. Мы не знали, что «женская память» охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе: бомбежки, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны, физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны. И то, что она запомнила, «вынесла из смертного ада, сегодня стало уникальным духовным опытом, опытом беспредельных человеческих возможностей, который не вправе предать забвению» — это я цитирую С. Алексиевич, и всего этого мы тогда, в войну, разумеется, не могли знать, будучи сами еще мальчишками.

Ну что для меня, мужчины, был первый труп? Поморщился, кольнуло болью, охолодел на миг, а через день спал уже около землянки комбата, положив голову на грудь убитого немецкого солдата. Не нарочно положил, не разглядел ночью, на что голову кладу, но утром, обнаружив, ничего особенного не почувствовал. А ведь был я юноша впечатлительный, с воображением, но привык, быстро привык и к трупам, и к крови, и к стонам раненых. Видать, мужчины по-другому устроены, всей эволюцией и

ну мысленно сооружал на каждой подходящей опушке. Разница!

В последней повести «Встречи на Сретенке» есть у меня три встречи героя с одноклассницей Лелей, бывшей в войну зенитчицей. Так и не рассказала она ему того, о чем поведала тоже бывшая зенитчица Валентина Павловна Чудаева: «И вот я командир орудия. Первое время из носа и ушей кровь шла, расстройство желудка наступало полное... Ночью еще не так страшно, а днем очень страшно. Кажется, что самолет прямо на тебя летит, именно на твое орудие. На тебя идет. Сейчас он всю, всю тебя превратит ни во что. Это все не для девчонки...» Нет, не рассказала всего этого Леля, обошлась общими словами. Она не сказала и о том, о чем поведала Ольга Яковлевна Омельченко, бывший санинструктор стрелковой роты: «Я чувствовала себя очень уставшей (это после войны, в которую пришла двадцатилетней! — В. К.), намного старше своих сверстников, даже старой. Подружки танцуют, веселятся, а я не могу, я смотрела на жизнь уже другими глазами. Внешне это не было видно, за мной молодые ребята ухаживали, а душа моя была уставшая. Мужчины не выдерживали, что я видела... Операционная палатка, и вот там такое место, где бросают отрезанные руки, ноги... Однажды вместе со мной зашел в операционную офицер, хотел, чтобы его перевязали. Как открыл, увидел — и р-р-раз... и упал. Мужчина не выдержал...»

Не рассказала Леля и того, о чем сейчас Бэлла Исааковна Эпштейн говорит Светлане Алексиевич:

ня на медкомиссию. Все это происходило в одной комнате. И когда врач, проверив зрение, развел руками, военком рассмеялся и сказал, что я зря голодала. Но я ответила, что это я из-за голодовки ничего не вижу. Отойдя к окну, поближе к злосчастной таблице, я разревелась. И ревела до тех пор, пока не выучила нижние строчки. Потом утерла слезы и сказала, что готова еще раз пройти комиссию. И прошла».

И почти все так, всякими правдами и неправдами попадали они на фронт, не зная, конечно, какую страшную ношу берут на себя, на какие муки себя обрекают... Но когда узнали, когда увидели кошмарную и жестокую работу войны — не пали духом, не запросились обратно, а продолжали воевать, спасать раненых, сбивать самолеты, убивать из «снайперок» фашистов. Да, убивать! Но чего им это стоило, рассказала бывший снайпер Клавдия Григорьевна Крохина: «Мы залегли, и я наблюдаю. И вот я вижу: один немец приподнялся. Я щелкнула, и он упал. И вот, знаете, меня всю затрясло, меня колотило всю. Я заплакала. Когда по мишеням стреляла — ничего, а тут: как это я убила человека?..» И еще: «...Пришла я с фронта седая. Двадцать один год, а я уже беленькая. У меня ранение было, контузия, я плохо слышала на одно ухо...»

Когда читаешь такое — сердце разрывается... Вот часто мы говорим, что о войне не все еще сказано, и вдруг обнаружили — вот что еще не сказано! На войне, если не изменяет мне память, восемьсот тысяч девушек воевало. Восемьсот тысяч! Почти миллион! И вот их войны, в сущности, мы не знали, а потому и не смогли рассказать. Тут есть и вина, если можно назвать это виной, самих девочек — бодрились, не делились ни с кем пережитым, о своих страхах молчали, близким в письмах тоже не писали, и вот только через сорок лет — **раскрылись.**

И увидели мы воочию картину такого величия женской души, о котором, возможно, по дубовости своей мужской и не предполагали. С каким же благоговением должны мы теперь относиться к женщинам-фронтовикам, какой заботой окружить! И поневоле возникает мысль: а все ли мы для них сделали? Все ли?

Эту книгу обязательно должна прочесть молодежь. Как все настоящее, она должна потрясти и ее. Отсюда и конкретные действия — шефство комсомола над больными и одинокими фронтовичками, так как одинокими осталось большинство из них (они же тех «роковых» лет, того поколения, из которых в живых осталось трое из ста). И я

и писательский, и человеческий ощущаю перед нашими боевыми подругами, перед девчонками войны, давно написать собираюсь, но понял сейчас, что написать бы не смог — не знал я того, что узнал сейчас, прочтя «У войны — не женское лицо», а потому написал бы по незнанию не всю правду, как и получилось у меня с Лелей во «Встречах на Сретенке». С горечью думаю: сорок лет прошло, а не сказали мы правды о сестренках наших, кто раны нам перевязывал, кто в госпиталях за нами ухаживал, кто на поле боя вместе с нами нечеловеческую работу войны делал. Не рассказали! И стыдно, и горько!

И сделала это, подняла этот пласт — женщина!

И, наверно, только женщина и могла это сделать. Я много писем получаю от бывших фронтовичек, но на бумаге всего не скажешь, сдерживает белый лист, не все ему доверишь. Возможно, не рассказали бы мне — мужчине — и при разговоре, если такой разговор состоялся бы, а вот Светлане Алексиевич — **рассказали!** Рассказали начистоту, всю правду. Значит, надо было еще и расположить этих женщин к себе, внушить доверие, иметь человеческие качества, благоприятствующие этому. Может быть, вместе и поплакать надо было. И не знаю, какие слова найти, чтоб отблагодарить Светлану Алексиевич за работу ее, потребовавшую от нее немало душевных сил, сердечной теплоты, такта. За нас она эту работу выполнила, и спасибо ей от всех нас, мужчин, фронтовиков.

И **как** она эту работу выполнила! Не только собрала материал, но и сумела его художественно так расположить, чтобы одно за другое цеплялось, дополняло и подчеркивало и так эмоционально на [illegible]

ЗИРУЕТ • «ЛГ» РЕЦЕНЗИРУЕТ • «ЛГ» РЕЦЕНЗИРУЕТ •

ДИАЛОГ С МИРОМ

Ал. МИХАЙЛОВ «Я ЗНАЮ СИЛУ СЛОВ...» Традиции Маяковского — вчера и сегодня

Издательство «Художественная литература». М. 1983.

ШИРОКО известны слова Владимира Маяковского: «...все, что я сделал, все это ваше — рифмы, темы, дикция, бас!» Здесь, в сущности, названо главное: поэтика, позиция, образ поэта. Да, «все это» — в нашей культуре, в нашей поэзии, в нашей жизни. Подвиг Маяковского стал достоянием народным. Представление о миссии поэта в нынешнем мире невозможно вне творческих, гражданственных принципов Маяковского.

Есть в книге Ал. Михайлова одно короткое автобиографическое отступление, рассказывающее, «как с весны 1942 года и до конца войны автор этих строк носил в своем вещевом мешке довольно увесистый том любимого поэта, как часто — не в дни сражений, конечно, а на отдыхе, в обороне находясь, — читал стихи из этого тома солдатам своего взвода, а затем уж и роты, как прекрасно они воспринимали эти стихи». Мы узнаем, что этот том Маяковского «процарапанный осколком снаряда, хранится в личной библиотеке как дорогая реликвия».

Думается, тут не только легендарный эпизод, но и зерно осмысления судьбы поэта. Маяковский всегда в сражении, никогда на отдыхе, и сражение продолжается. Сама история не безмятежно соотносит поэзию Маяковского с временем, с новыми поколениями. И критик перечитывает Маяковского глазами этого мчащегося, не знающего покоя времени.

В книге Ал. Михайлова — два лейтмотива, две сюжетные линии. И первая — возвращение к Маяковскому. После всего, что мы пережили и узнали, как звучат строки любимого поэта?. «Обращал ли кто-нибудь внимание...» — вот начало этой линии, одна из первых фраз книги. И так постоянно, до конца. Разговор о традициях — желанный повод и способ вновь не однажды открыть боевой том, убедиться, что стихи Маяковского «остаются с нами не в качестве лишь замечательной реликвии». И что время наполняет актуальнейшим смыслом знакомые строки.

Критик раскрывает Маяковского, идя и от [illegible]

ковского с уважением не только к «старому, но грозному оружию» поэта революции — перечитывает с уважением к самобытной силе других поэтов. Такова диалектическая плодотворная особенность исследовательского метода Ал. Михайлова. И когда критик, идя от Маяковского, обращается к «опыту больших поэтов», он не примеривает на совсем иные поэтические миры готовую схему заранее известных «традиций», а радостно и зорко вглядывается в поэтов несхожих — «хороших и разных». И только тогда, только так — через многообразие, очень бережно, но подчас неожиданно, смело находит «единый пламень», связующий Маяковского и всю многонациональную советскую поэзию. При этом критик не жалеет усилий, чтобы раскрыть и подчеркнуть неповторимость индивидуальных путей поэтов.

Книга Ал. Михайлова — результат такого двупланового прочтения творчества Маяковского рядом с творчеством других значительных поэтов. В емкой, лаконичной манере критик дал точные характеристики важнейших черт художнической, духовной общности Маяковского и многих советских поэтов — от современников Маяковского до поэтов пятидесятых — шестидесятых годов и наших дней. Ал. Михайлов акцентирует, что на разных исторических этапах по-разному преломлялись революционные и патриотические традиции Маяковского, но всегда они входили в драгоценную основу советской поэзии. Заключительная глава — [illegible]

Виктору Петровичу АСТАФЬЕВУ—60 лет

Уважаемый Виктор Петрович! Сердечно поздравляем Вас, большого мастера русской прозы, со знаменательной датой — шестидесятилетием со дня рождения.

Три десятилетия прошло со дня выхода в свет Вашей первой книги «До будущей весны», которая была с интересом принята читателями и литературной критикой. С тех пор Ваши новые произведения не раз радовали читателей. Вас как художника отличают глубокое знание жизни, свое видение мира, тонкое понимание человеческой души.

Ваше творчество нерасторжимо с судьбами Родины, с людьми, живущими рядом с Вами. Значительное место в Ваших книгах занимает Великая Отечественная война, которую Вы прошли солдатом, познав все тяжкие испытания, трагические и героические будни тех лет.

За повести «Перевал», «Последний поклон», «Кража», «Пастух и пастушка» Вы были удостоены Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Вашим произведениям свойственно пристальное проникновение в человеческие характеры, исследование их в непосредственной связи с окружающим миром, что особенно ярко проявилось в «Царь-рыбе». Эта книга, отмеченная Государственной премией СССР, пользуется широкой популярностью в нашей стране и за рубежом.

Сердечнейшим участием в горестях и радостях современников пронизаны Ваши «Затеси» — все обновляемая книга прекрасных этюдов и коротких рассказов.

На сценах театров страны идут с успехом Ваши талантливые пьесы.

Участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды, многих боевых медалей, Вы за свои высокие литературные заслуги удостоены двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Дружбы народов.

Желаем Вам, дорогой Виктор Петрович, крепкого здоровья, новых творческих свершений на благо нашей многонациональной советской литературы.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР;
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ГЛУБИНА И ПРОЧНОСТЬ ТАЛАНТА

ВОТ И ПОКОЛЕНИЕ фронтовиков подошло к той черте бытия, когда мудрецы, познавшие сладость и горечь жизни, отказываются от навязчивых идей, когда плоть не имеет властной воли над духом, тщеславие молодости ушло в прошлое и главная цель и великое смирение — в работе.

Наверное, одиночество любого писателя непоправимо, если он не умножает самого себя книгами и если он находится в разладе с собственным предназначением, спотыкаясь о похвалу и известность. Несомненно, конечно, и то, что писателя должны читать, а не почитать, не читая.

Каждую книгу Виктора Астафьева, одного из самых серьезных и популярнейших художников нашего времени, читатели и писатели ждут с тем нетерпением, какое бывает в преддверии радости, накануне встречи с прекрасным, что рождается только качеством незаурядного и постоянно обновляющегося таланта. Рядом с ним трудно назвать сейчас кого-либо в европейской литературе (подчас не в меру кокетничающей изобретением нового), кто был бы столь своеобразен и вместе с тем верен тайне логики образов и столь непримирим к искусственности [illegible]венные и невнятные движения. Он описывает не быт, а бытие, твердо ходя по земле и в то же время приподнимаясь над ней, как бы ощущая присутствие вечности.

Мы неодинаково можем относиться к разным вещам в этой действительности, но мы почти одинаково относимся к жизни и смерти. И мы хотим понять: из чего складываются доброта, человечность, совестливость, что такое красота и уродство, что добродетель, а что порок, что справедливость и что несправедливость.

Виктор Астафьев хорошо знает, что человек не всегда на себя похож, и хорошо знает и то, что никто не приносит человеку столько вреда, как он сам. Однако каких бы сложнейших проблем нашего бытия ни касался писатель, он как истинный художник не дает однозначных ответов, которые суживают бытие до быта, явление до факта. Он словно бы говорит нам: живи согласно совести, а я познаю формы действительности, передаю картину мира для того, чтобы ты осознал свою несовершенную природу, обрадовался жизни, раскаялся во многом и полюбил бы землю, родную колыбель, ибо она — и начало, и конец твой.

[illegible]

насилием над здравым смыслом приведет к трагедии чувства, мысли, разумения и в конце концов к самоубийству рода людского.

Мы знаем писателей и проповедников, которые с тонкой, «спасительной» иронией ищут зло вне человека, считая жизнь парадом масок и жестоким фарсом. Виктор Астафьев беспощадный реалист, приобщенный талантом к правде, не склонен к разного порядка преувеличениям. Он уверен, что каждый несет в себе заряды добра и зла, поэтому с неприязнью строгого очевидца отвергает всякую киноподобную действительность, фальшь в человеке, «праздную ложь».

И мне чрезвычайно близок Астафьев непреходящим беспокойством души, тревожной нотой до предела обнаженной искренности, чутким и мучительным вниманием к человеческой боли и тем истинным милосердием, которое особенно свойственно особенно крупным талантам. Может быть, поэтому философско-лирический астафьевский герой «я», всегда присутствующий, даже в свое прямое отсутствие (во многих миниатюрах из прекрасной книги «Затеси»), также родственно знаком и дорог нам, как Вить-

поморщился, кольнуло болью, охолодел на миг, а через день спал уже около землянки комбата, положив голову на грудь убитого немецкого солдата. Не нарочно положил, не разглядел ночью, на что голову кладу, но утром, обнаружив, ничего особенного не почувствовал. А ведь был я юноша впечатлительный, с воображением, но привык, быстро привык и к трупам, и к крови, и к стонам раненых. Видать, мужчины по-другому устроены, всей эволюцией истории приспособлены к войне, что ли. И постарше я был, не семнадцать или восемнадцать, а все же двадцать один год был и два года армейской службы, которая и физически закалила, и нравственно к войне подготовила, ну, а девчонка семнадцати лет, слабенькая еще, несформировавшаяся, «рыдавшая над романами Лидии Чарской, «Маленьким оборвышем» Гринвуда», и прямо из домашнего уюта, от мамы,— туда, на фронт, в кошмар, в кровь, в смерть!.. Одна из ветеранок вспоминает, что после войны мясо видеть не могла, мужа в магазин посылала, а другая до сих пор в лес не может ходить, на дубы и березки глядеть: сразу наваливаются воспоминания, как хоронили солдат в лесах... А я долгое время после войны, попадая за город, оборо-

ту, я смотрела на жизнь уже другими глазами. Внешне это не было видно, за мной молодые ребята ухаживали, а душа моя была уставшая. Мужчины не выдерживали, что я видела... Операционная палатка, и вот там такое место, где бросают отрезанные руки, ноги... Однажды вместе со мной зашел в операционную офицер, хотел, чтобы его перевязали. Как открыл, увидел — и р-р-раз... и упал. Мужчина не выдержал...»

Не рассказала Леля и того, о чем сейчас Бэлла Исааковна Эпштейн говорит Светлане Алексиевич: «Я как только стану рассказывать, так переболею... Рассказываю вам, а у меня внутри студень, все дрожит. Снова все вижу, представляю: как лежат убитые — у них рты раскрыты, кишки вывернутые. Дров меньше видела, чем убитых». Разве это не оглушает, не ударяет по сердцу?! Мы, мужчины, тоже видели, но не осталось это у нас в памяти на всю жизнь, а у женщин, у девочек, какими они были тогда, — осталось.

Если бы знал обо всем этом до написания повести, вряд ли третью встречу героя с Лелей написал бы так, как она написана, вряд ли бы состроила Лелечка смешную гримаску и показала язык — слишком мало времени прошло, чтоб от войны отойти.

Давно уже свой долг ва найти, чтоб отблагодарить Светлану Алексиевич за работу ее, потребовавшую от нее немало душевных сил, сердечной теплоты, такта. За нас она эту работу выполнила, и спасибо ей от всех нас, мужчин, фронтовиков.

И как она эту работу выполнила! Не только собрала материал, но и сумела его художественно так расположить, чтобы одно за другое цеплялось, дополняло и подчеркивало и так эмоционально на читателя действовало. Это работа не только журналистская, но и писательская. Это слово, сказанное перед потомками нашими и перед теми чудесными женщинами, о которых она пишет. Как не склонить голову перед всеми ними и перед автором этой пронзительной, потрясшей меня книги!

Как попадали на фронт эти девчонки? Вот что рассказывает Антонина Мироновна Ленкова: «В райкоме все прошло гладко, а в военкомате пришлось повоевать. Из-за возраста, из-за зрения. Но первое помогло второму. Когда речь зашла о неполных семнадцати, я обозвала военкома бюрократом и объявила голодовку. Села с ним рядом и двое суток не сдвинулась с места, отодвигая предлагаемый им кусок хлеба и кружку кипятку. Пригрозила, что умру с голодухи, но сначала напишу записку, кто виноват в моей смерти. Не думаю, что он испугался, но все-таки направил ме-

женщинам-фронтовикам, какой заботой окружить! И поневоле возникает мысль: а все ли мы для них сделали? Все ли?

Эту книгу обязательно должна прочесть молодежь. Как все настоящее, она должна потрясти и ее. Отсюда и конкретные действия — шефство комсомола над больными и одинокими фронтовичками, так как одинокими осталось большинство из них (они же тех «роковых» лет, того поколения, из которых в живых осталось трое из ста). И я уверен, что комсомольцы наши примут это как свой святой долг и сделают все возможное, чтобы облегчить, скрасить одиночество этих так много переживших женщин. На этом, далеком от литературы, но необходимом заключении я и заканчиваю свое слово о книге С. Алексиевич, поразившей меня до глубины души, которую считаю открытием. Книгу эту ставлю в один ряд с «Я из огненной деревни» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника и «Блокадной книгой» А. Адамовича и Д. Гранина.

И какой уже раз документ, факты оказываются сильнее, убедительнее, глубже, многообразней нашей сочинительской беллетристики и становятся явлением литературы с большой буквы.

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

«ЛГ» РЕЦЕНЗИРУЕТ • «ЛГ»

«Обращал ли кто-нибудь внимание...» — вот начало этой линии, одна из первых фраз книги. И так постоянно, до конца. Разговор о традициях — желанный повод и способ вновь не однажды открыть боевой том, убедиться, что стихи Маяковского «остаются с нами не в качестве лишь замечательной реликвии». И что время наполняет актуальнейшим смыслом знакомые строки.

Критик раскрывает Маяковского, идя и от времени, и от поэзии. Как звучит Маяковский после нашего нового перечитывания классики?.. После новых встреч с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тютчевым, Некрасовым, Блоком... Что меняется в восприятии поэзии Маяковского после второго открытия поэзии Есенина?.. Какими сторонами обернула к нам Маяковского вся последующая поэзия?.. Ведь и Асеев, и Ахматова, и Тычина, и Тихонов, и Вургун, и Пастернак, и Заболоцкий, и Мартынов, и Цветаева, и Твардовский, и Смеляков, и Прокофьев, и Эмин, и Василий Федоров, и другие поэты, о которых идет речь в книге Ал. Михайлова, создали новый поэтический контекст.

Маяковский, конечно, и сам приходит к нам «через головы поэтов». Критик перечитывает Маяковского ... рактеристики важнейших черт художнической, духовной общности Маяковского и многих советских поэтов — от современников Маяковского до поэтов пятидесятых — шестидесятых годов и наших дней. Ал. Михайлов акцентирует, что на разных исторических этапах по-разному преломлялись революционные и патриотические традиции Маяковского, но всегда они входили в драгоценную основу советской поэзии. Заключительная глава — «Эффект присутствия» — о воздействии могучего магнитного поля Маяковского на поэтов, казалось бы, далеко от него отстоящих по стилю. Некоторые имена выделены в книге крупно (Твардовский, Смеляков, Мартынов), большинство имен очерчены в сжатых силуэтах, иные только называются. В целом складывается живая динамичная картина развивающихся традиций поэзии Маяковского — грандиозного «диалога... с миром».

Талантливая работа Ал. Михайлова напоминает и подтверждает, что масштабы эпохи по-прежнему выдвигают великого поэта социалистической революции в центр самых серьезных раздумий о судьбах поэзии, неотделимых от судеб человечества.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

... тем нетерпением, какое бывает в преддверии радости, накануне встречи с прекрасным, что рождается только качеством незаурядного и постоянно обновляющегося таланта. Рядом с ним трудно назвать сейчас кого-либо в европейской литературе (подчас не в меру кокетничающей изобретением нового), кто был бы столь своеобразен и вместе с тем верен тайне логики образов и столь непримирим к искусственности языка, конструкции сюжета, умозрительной идее. Да, Виктор Астафьев — художник чистого золота, ибо ему дано умение лепить души людей. Он не признает выморочной и изощренной литературщины, не бьет в традиционные барабаны классического величия, изо всей силы голоса не утверждает модные романные структуры, не доказывает, что миновал ренессанс эпической формы, не размывает смысл простого слова во имя туманных нюансов некоего эфемерного, воздушного новшества. Он прочен и глубок в своих художнических убеждениях, не похож ни на кого другого строгостью и одновременно чувственностью стиля, суровостью и надежностью героев, стараясь раскрыть праоснову жизни, ее явст-

... писатель, он, как истинный художник не дает однозначных ответов, которые суживают бытие до быта, явление до факта. Он словно бы говорит нам: живи согласно совести, а я познаю формы действительности, передаю картину мира для того, чтобы ты осознал свою несовершенную природу, обрадовался жизни, раскаялся во многом и полюбил бы землю, родную колыбель, ибо она — и начало, и конец твой.

Он как бы спорит с фальшивыми оптимистами, не без приятной улыбки доказывающими, что не беда, если все промежуточное будет забыто (наши радости, мысли, страдания), что в закономерностях природы (якобы любимой ими) нет ни блага, ни зла, она равнодушна, безразлична к нам, к нашему смеху и слезам, к жизни и смерти — и нет, мол, никаких разумных в природе закономерностей, и нет большой беды в отсутствии гармонии людей и земли.

И тут я не могу не вспомнить выдающийся не только в нашей литературе, но и в литературе всеевропейской роман Астафьева «Царь-рыба», так много сказавший о необъявленной страшной войне человека с природой, о той безумной войне, которая

... до предела обнаженной искренности, чутким и мучительным вниманием к человеческой боли и тем истинным милосердием, которое особенно свойственно особенно крупным талантам. Может быть, поэтому философско-лирический астафьевский герой «я», всегда присутствующий, даже в свое прямое отсутствие (во многих миниатюрах из прекрасной книги «Затеси»), также родственно знаком и дорог нам, как Витька Потылицын и бабушка Катерина Петровна («Последний поклон»), Мишка Ерофеев («Звездопад»), Борис Костяев («Пастух и пастушка»), Аким («Царь-рыба»), Сергей Митрофанович («Ясным ли днем») — эти астафьевские герои, уже давно ставшие не литературными персонажами, а людьми, жившими и живущими, такими реальными, как будто мы пуд соли вместе съели. И жили одной мукой, одной радостью, одним сомнением, одной бедой, одним мужеством, одной надеждой. Такова внушительная сила астафьевского дарования — творить вторую жизнь.

В день твоего шестидесятилетия, дорогой собрат по перу, прими мои самые благодарные читательские чувства.

Юрий БОНДАРЕВ

Слово женщин Советского Востока

В Ашхабаде прошла региональная писательская конференция, посвященная 60-летию образования ТССР и Компартии Туркменистана. Она открыла цикл встреч в честь юбилея среднеазиатских республик и их компартий, которые завершатся осенью большим литературным вечером в Москве.

«Социально-политическая активность и духовное развитие женщины Советского Востока как тема литературы социалистического реализма (вчера, сегодня, перспективы)» — так обозначена повестка дня конференции, участниками которой стали в основном женщины-литераторы. В Ашхабад приехали писатели Москвы, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Латвии. Речь шла о гражданской активности нашего современника, о выполнении им задач, поставленных перед советским народом XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК КПСС, об усилении воспитательного и трудового значения женщины в обществе развитого социализма. И конечно же, одной из главных тем конференции была борьба за мир.

Тон разговору задал доклад, с которым выступила секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Моллаева.

Всегда, на всех этапах жизни нашей страны, во всех ее сферах важную роль играют женщины, сказала, в частности, М. Моллаева. Сегодня они участвуют в решении любых сложных проблем наравне с мужчинами. Но процесс пробуждения женщин Советского Востока, изменения в их мировоззрении, мышлении был нелегким и долгим. И свое весомое слово здесь сказала литература.

В докладе и в выступлениях участников обсуждались не только насущные задачи развития литературного процесса, но и дела, планы, вопросы, волнующие сегодня наших современников. Проблема дальнейшего повышения социальной активности женщин многогранна, решать ее нужно комплексно, и значительную роль в этом может и должна сыграть литература.

В интересном творческом обсуждении приняли участие литераторы Г. Алибекова, С. Алиева, З. Атоуллоева, С. Абдыкадырова, И. Денисова, М. Дильбази, Н. Калиа, В. Ковтун, Л. Каюмов, Т. Кайбергенов, Т. Курбанов, Р. Тамарина, З. Туманова, Ф. Унгарсынова, Л. Федоровская, О. Ходжаева, Б. Худайназаров, Т. Эсенова, С. Язова, а также Герой Социалистического Труда текстильщица Э. Овезова, ректор Туркменского института народного хозяйства Р. Бакасова.

Своими мыслями о конференции мы попросили поделиться секретаря правления СП СССР, руководителя писательской делегации Ю. СУРОВЦЕВА:

— Главное достоинство нашей встречи в том, что осуществилось стремление ее участников соединить проблемы литературы и проблемы жизни, актуальные проблемы внутренней и внешней политики нашей партии. Это вообще характерный признак сегодняшних наших общественно-культурных писательских акций, и тенденцию эту надо особенно поддерживать в год 50-летия Союза писателей СССР.

Участники конференции встретились с хлопковщицами, побывали на полях и виноградниках колхоза «Социализм» Ашхабадского района, стали гостями туркменских живописцев. У памятника Махтумкули в центре Ашхабада состоялся большой поэтический вечер.

И. ПАСЕВЬЕВ,
соб. корр. «ЛГ»

АШХАБАД

■

На днях состоялись пленум совета по работе с молодыми литераторами СП СССР и заседание оргкомитета по проведению VIII Всесоюзного совещания молодых писателей. Повестка дня гласила: «Задачи писательских организаций по идейно-творческому воспитанию молодых литераторов в свете решений июньского и декабрьского (1983 г.), февральского и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС и VIII Всесоюзное совещание молодых писателей».

С докладом выступил секретарь правления СП СССР О. Шестинский. В обсуждении приняли участие писатели А. Алексин, Ю. Воронов, А. Лиханов, Н. Ляпин, Ал. Михайлов, О. Попцов, М. Шевченко (Москва), В. Суслов (Ленинград), Л. Левинсон (Карелия), А. Мороз (Украина), У. Усманов (Узбекистан), У. Рижинашвили (Грузия), Дж. Новруз (Азербайджан), М. Кизилов, заведующий сектором отдела культуры ЦК ВЛКСМ.

Наш корр.

■

В Колонном зале Дома союзов прошел творческий вечер Владимира Соколова. Председательствовал секретарь правления СП СССР Е. Исаев. В вечере приняли участие Д. Самойлов, Н. Зиновьев, В. Цыбин, А. Межиров.

■

В ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения выдающегося армянского поэта П. Севака. Председательствовал на вечере М. Дудин. О жизни и творчестве П. Севака рассказал председатель правления СП Армении В. Петросян. С воспоминаниями о поэте, с новыми переводами его стихов познакомили собравшихся М. Поцхишвили (Грузия), И. Драч (Украина), М. Чаклайс (Латвия), Ю. Мориц, В. Микушевич, С. Островой, С. Капутикян, Р. Давоян (Армения).

На вечере присутствовали Председатель Совета Министров Армянской ССР Ф. Т. Саркисян, постоянный представитель Совета Министров Армянской ССР при Совете Министров СССР Э. А. Айказян.

■

26 апреля в Москве состоялась встреча воинов с писателями, организованная военным советом и политическим управлением Сухопутных войск. Во время встречи обсуждался широкий круг вопросов, связанных с важнейшими проблемами, которые встают перед писателями, работающими в области героико-патриотической темы. Это прежде всего необходимость формирования у советской молодежи активной жизненной позиции, убежденности в правоте великого ленинского дела, в преимуществах социалистического образа жизни. Особо отмечалось, что XXVI съезд КПСС, последующие Пленумы ЦК КПСС нацеливают литераторов на глубокое и правдивое раскрытие бессмертного подвига советского народа в Великой Отечественной войне, на отображение ратного труда воинов, стоящих на страже социалистического Отечества.

На встрече выступили член военного совета — начальник политического управления Сухопутных войск генерал-полковник М. Д. Попков, секретарь правления СП СССР Ю. Верченко, писатели В. Карпов, Н. Стаднюк, Е. Воробьев, Г. Гофман, А. Кулешов, Н. Горбачев, К. Селихов, С. Борзунов, Ю. Анненков, Ю. Виноградов и другие.

■

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева прошел первый вечер, посвященный 50-летию создания Союза писателей СССР. Его проводила редакция журнала «Новый мир». Председательствовал главный редактор журнала В. Карпов. Выступавшие на вечере авторы «Нового мира» Л. Васильева, К. Ваншенкин, В. Крупин, М. Львов, В. Орлов, В. Попов, М. Соболь говорили о важнейших проблемах современного литературного процесса, о своих творческих замыслах, о сотрудничестве с «Новым миром», который в январе будущего года отметит свое 60-летие.

Языком графики

Иллюстрации художника А. ШМАРИНОВА к книге М. Пришвина «Лесная капель». Издательство «Художественная литература». М. 1984.

ПРЕДВАРЯЯ СТРАНИЦУ

«Для одних, — писал Илья Эренбург, — жизнь раскололась надвое 22 июня 1941 года, для других — 3 сентября 1939, для третьих — 18 июля 1936». Героическая борьба республиканской Испании против фашистских мятежников, опиравшихся на Гитлера и Муссолини, вызвала волну горячего сочувствия и братской поддержки. Газеты сообщают об упорном сопротивлении осажденного Мадрида, о битве на мостах через Мансанарес, двадцатидневных боях в Университетском городке, республиканских атаках в Карабанчеле, сражениях на реке Хараме, под Бриуэгой, под Уэской... До сих пор в памяти людей отзываются гордостью и болью названия испанских городов. Плечом к плечу с испанскими республиканцами сражались против фашистов бойцы Интернациональных бригад. Единство с борющимся испанским народом продемонстрировали писатели двадцати восьми стран, приехавшие в июле 1937 года в Испанию на Второй конгресс в защиту культуры. Конгресс открылся в Валенсии, заседал в Мадриде, снова в Валенсии, в Барселоне... «К столу президиума, — рассказывал Алексей Толстой, — как на сцену трагического театра, приходили вестники. Они рапортовали конгрессу, что наступление началось, что наступление развивается. Когда стихали аплодисменты, в зал доносился отдаленный грохот. Наступление шло в нескольких километрах от трибуны, на которую выходили антифашистские писатели всех стран мира». Страдания и подвиг испанского народа запечатлены в репортажах и дневниковых записях, стихах и прозе, в живописи и на кинопленке. Общее чувство выразил чилийский поэт Пабло Неруда, озаглавив свою книгу — «Испания в сердце».

Бойцы Пятого полка — ядро республиканской армии

А. А. Фадеев и А. Н. Толстой в Испании. 5 июля 1937 г.

Алексей ТОЛСТОЙ

ИСПАНСКИЙ ДНЕВНИК

(Июль 1937 г.)

«ИСПАНСКИЙ дневник» — это условное название небольшой записной книжки, которую А. Н. Толстой вел в июле 1937 года, находясь в Испании на Втором конгрессе международной ассоциации писателей в защиту культуры (в советскую делегацию входили также А. Фадеев, Вс. Вишневский, И. Эренбург, М. Кольцов и др.).

До сих пор в литературе о Толстом не было сообщений об этом дневнике. Вероятно, могло показаться, что он слишком фрагментарен. Были, очевидно, и трудности с прочтением и расшифровкой дневника, ведь записи велись буквально на ходу, слабым простым карандашом, многие слова здесь не дописаны, вдобавок листы рассыпались и перемешались...

Между тем публикуемый дневник — замечательный документ. Он не только объясняет жизненные реалии, которые составляют эмоциональную убедительную основу широко известных публицистических выступлений Толстого на испанскую тему, не только приоткрывает творческую лабораторию писателя. Он важен и сам по себе как явление советской художественной публицистики. Представление о Толстом, борце за мир, страстном антифашисте, обогащается новыми фактами. Следует подчеркнуть, что дневник затрагивает «вечные», но не отвлеченные, а, напротив, обостренно злободневные проблемы современного искусства — проблемы войны и мира, жизни и смерти, добра и зла...

Испания, страна с древней, великой культурой, горящая в огне войны, потрясла Толстого. И хотя дневник запечатлел не всю поездку на конгресс и даже не все пребывание в Испании, а лишь отдельные его эпизоды, но и они позволили Толстому создать уже на стадии дневника, то есть самого первого впечатления, запоминающийся образ борющейся и несгибаемой Испании.

«Мы, вдохнувшие этот раскаленный воздух героической Испании, мы говорим: довольно колебаний, довольно равнодушия, оно ведет к смерти и позору. Сплотитесь вокруг героической Испании. Она — сердце мира, в ней то, что есть в человечестве свободолюбивого, возвышенного и благородного»,— говорил Толстой на заключительном заседании конгресса в Париже. И этой мыслью были проникнуты все его выступления на испанскую тему. Выступления, облетевшие мир, сила и значительность которых возрастали в атмосфере приближающейся мировой войны.

Сравнивая широко известную испанскую публицистику Толстого со скромными, не предназначавшимися для стороннего чтения дневниковыми записями, убеждаешься, что ее образный строй, тональность и пафос были найдены Толстым сразу же — в этих дневниковых записях.

«От Портбу до Мадрида, где бы ни останавливались автомобили с членами конгресса, собиралась толпа — больше всего в ней было женщин, детей и старух... Мы видели стиснутые кулаки, глаза, пылающие энтузиазмом, глаза, полные слез, глаза, горячие от благодарности. И мы пожимали жесткие руки, целуя седые волосы старух» — этих слов нет в дневнике, но они родились как его продолжение.

Читатель обратит внимание на то, что в дневниковых записях отсутствуют исключительно литературные впечатления от увиденного и услышанного на конгрессе и вообще в Испании: эти впечатления оказываются для писателя неважными, несущественными по сравнению с тем главным, что он видел в сражающейся стране. Так, имя Сервантеса даже не упоминается в публикуемых записях, названы однажды лишь его герои, и то для того, чтобы сказать, что рядом с памятником великому писателю в Мадриде — фронт. А ведь мы знаем, что, будучи в Испании, Толстой посетил Алькалу, древний город, в котором родился Сервантес...

Вообще дневник вносит уточнения в тот образ углубленного в себя писателя, который сложился у некоторых наблюдавших его в те дни людей. Пребывание в Испании обострило гражданскую, политическую активность Толстого, подготовило его к другим, еще более тяжелым испытаниям в годы Великой Отечественной войны.

Вместе с А. Фадеевым Толстой написал предисловие к «Испанскому дневнику» Михаила Кольцова. В первых абзацах (они написаны непосредственно Толстым) Алексей Николаевич высветил главную свою идею: противопоставление добрых, светлых начал жизни — смерти и разрушению, идею, которая, с его точки зрения, определила и пафос книги М. Кольцова:

«Мы окунаемся в громокипящий водоворот народной войны, неравной, справедливой, героической и ужасной...

Беззащитно и трогательно цветет миндаль, под деревом сидит человек с перерезанным горлом... Все сошло со своих мест... Овцы в Мадриде. Петухи в Валенсии. Дворец главы правительства в Барселоне рядом с зоосадом, слышно, как звери ревут...

Другая земля, другое небо, другой народ, другая жизнь. Но всеми чувствами, помыслами, кровью своей мы связаны с этой землей и небом».

«Мы обращаемся ко всем,— говорил Толстой, — кому дорог ребенок, мирно спящий в кроватке, кому дорога седая голова его матери, кому дороги жизнь, свобода, красота...» Эти слова не утеряли своего значения и сегодня.

Дневник публикуется по подлиннику, поступившему недавно в Отдел рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР из личного архива вдовы писателя — Л. И. Толстой. В ряде случаев уточнено написание имен и географических названий. Отдельные слова прочитываются предположительно.

PORT BOU[1]. Туннель и в лощине в глубине залива — городок со следами разрушения.

Вокзал. Разбитые окна. Охрана. Зеленые рубашки, синие штаны, желтые башмаки с кожаными браслетами.

Стрижи.

Улочки. Белые, тихие, с плоскими крышами.

Следы от бомб.

Городок пуст. На пляже дети. Тишина. Синее небо.

Перед автокаром. Мэр города. Речь Шамсона[2]. Глаза, полные слез. Поднятые кулаки. Пожелания.

Серебристый свет. Горы направо. Налево море. Равнина, виноградники.

Город. Заклеенные окна. Зеленые жалюзи.

Холмы. Масличные рощи. Красноватая земля. За плугом в соломен<ной> шляпе.

Цирк. Баррикад<а>.

Множество народу. Открыты лавки. Желтые трамваи. Женщины без шляп. Огромные новые дома. Акации.

Дети на колбасе. Поливают скверы. Чистота.

На рассвете. Отдаленная канонада боя. Солнце за громадой дома.

Налево огромное очертание с башней тел<ефонной> станции.

Улица, полная народа. Дальше на улице — только играющие дети.

Еще дальше — [барри<када>], окопы и бой.

Улица богатого квартала, примыкающая к району фронта. Фашисты ее не трогают. Там гуляют в вечерней прохладе. Там встретите модниц...

Людвига Ренна. Высокий, костлявый, в военном. В очках. Похожий на Вольтера — иронической усмешкой.

4-м — Муссинак: Мадрид — сердце народного фронта[7].

5-й. Вишневский. (Интернационал). Весь зал приветствует его за «Мы из Кронштадта».

6. Английский пис<атель> Ральф Бейтс (в военной форме).

7. Итальянец — Потенца.

Карабанчель. Корол<евский> дворец. Река Мансанарес (Фр<анцузский> мост).

Ворота Толедо (куда хотел войти Франко)[8].

Сад в Бриуэга. Два мальчика. На разрушенных домах висят двери.

Фонтаны. Квад<ратные> колонны улиц.

Людвиг Ренн ужинал со мной <1 слово неразб.>. Ночью во время бомбард<ировки> я увидел его с чемоданом и в кожухе: «О, это пригодится». Днем

Покупка платья рядом с барри<кадами>. Огромные фасады великолепных домов (многоэтажных) изъязвлены снарядами. Зияют дыры. Внизу баррикады из мешков, прикрывающие витрины. Торгуют магазины. Воронки. Изящные платья. Изящные продавщицы, испанки, сидят в магазинах. Все спокойно и даже буднично. (Гран Виа). Вдруг улица превращается в ад. «Мраморные фасады трещат от ударов

леные рубашки, синие штаны, желтые башмаки с кожаными браслетами.

Стрижи.

Улочки. Белые, тихие, с плоскими крышами.

Следы от бомб.

Городок пуст. На пляже дети. Тишина. Синее небо.

Перед автокаром. Мэр города. Речь Шамсона[2]. Глаза, полные слез. Поднятые кулаки. Пожелания.

Серебристый свет. Горы направо. Налево море. Равнина, виноградники.

Город. Заклеенные окна. Зеленые жалюзи.

Холмы. Масличные рощи. Красноватая земля. За плугом в соломен<ной> шляпе.

Жерона. Река. Высокие дома с зелеными жалюзями — отражен<ные> в воде. Старая ратуша.

Старуха в сером, длинно<м> пашет на серых, сытых волах. Все ушли на войну.

Барселона. Магазин. Тревога. Авто с рудка<ми>.

Остан<авливает> полиция (штур<мовая> гвардия) [3].

[Эту страну во имя безликих королей разрушают звери и машины.]

5 июля. [Песчан<ые>] Каменистые рыжие холмы Кастилии, покрытые зелеными бородавками растительности. Красная земля.

Ярко-красная земля, виноградники.

Остановка в придорож<ном> трактире.

Волнистая равнина. Хлеба. Прямая дорога. Зной.

Обед в трактире. Каменная деревня. У очага. У порога — глиняный кувшин.

Всюду хлеба. Пшеница. Жнивье. Вспаханные кирпично-красные поля.

Люди на осликах. Ничего не напоминает, что близко фронт.

Рядом на холмах — развалины замка и мачты проводов.

Ближе к Мад<риду> — меловые холмы. Суровый замок

Арганда в 2 к<илометрах> от фронта — реки Харамы. Солдаты. Дети и женщины за рукодельем на порогах жилищ, в тени. Виноградники. Пашут.

Подъезжая к Мад<риду> — голая холмистая равнина. Направо в пыльной мгле — Сьерра Гвадаррама.

Из-за пшеницы — острые шпили и телефон. За Мадридом — горы. Затем — дома. Кладбище — кирпичная стена Памятники. Овраг...

Дети на колбасе. Поливают скверы. Чистота.

На рассвете. Отдаленная канонада боя. Солнце за громадой дома.

Налево огромное очертание с башней тел<ефонной> станции.

Улица, полная народа. Дальше на улице — только играющие дети.

Еще дальше — [барри<када>], окопы и бой.

Улица богатого квартала, примыкающая к району фронта. Фашисты ее не трогают. Там гуляют в вечерней прохладе. Там встретите модниц...

Людвиг Ренн... Коммунизм — это то состояние, где он почувствовал себя «удобно». И ум, и чувства. Мещанство — «честность». Буржуазия — «деньги» (жест отвращения)[4].

Испанцы пели Карманьолу и песню Марии Терезы[5]. Один — у рояля, пел со слезами и, обращаясь, говорил стихи.

Мадрид — стал [родиной ос<вобожденного>] местом (найти слово для всего, что в человеке высшего, освобожденного). Здесь умирают за это.

Конгресс.

Открывает собрание кубинский писатель Маринельо...

Вначале — оркестр <исполняет> нац<иональный> гимн.

Траурный марш погибшим героям.

Музей Прадо. Нац<иональная> библиотека. Здание телеграфа.

Входят 8 бойцов. Командир говорит собранию.

Интернационал.

Бойцы становятся на 4-х углах эстрады[6].

2-м <выступает> испанский министр. Не существует легаль<ная> и нелег<альная> Испании, только одна Испания, интел<лигенция> и рабочие - одно.

3-й. Музыка, и весь зал приветствует

ДНЕВНИК

дания конгресса в Париже. И этой мыслью были проникнуты все его выступления на испанскую тему. Выступле-

жился у некоторых наблюдавших его в те дни людей. Пребывание в Испании обострило гражданскую, политическую

ние написание имен и географических названий. Отдельные слова прочитываются предположительно.

Людвига Ренна. Высокий, костлявый, в военном. В очках. Похожий на Вольтера — иронической усмешкой.

4-м — Муссинак: Мадрид — сердце народного фронта[7].

5-й. Вишневский. (Интернационал). Весь зал приветствует его за «Мы из Кронштадта».

6. Английский пис<атель> Ральф Бейтс (в военной форме).

7. Итальянец — Потенца.

Конгресс происходит, когда фронт уже опоясался огнем и дымом бомбардировки. (Bandiera Rossa—гимн ит<альянских> револ<юционеров>).

8. Швейцарец Воше. Молодой блондин, весь дрожащий от возбуждения и волнения.

Солнечные, революционные гимны — стран... Железные, мощные такты Интернацион<ала>.

9 Эми Сяо (Китай).

10. Корпус Барга (предс<едатель> союза пис<ателей> Мадрида).

11. Снова представители армии (находящейся сейчас в бою).

Подошли лицом к президиуму и кулак к стальному шлему. Салют!

12. Гальегос — председатель Союза железн<ых?>.

13. Телеграммы — приветствия.

14. Блек. Секрет<арь> межд<ународной> асс<оциации> пис<ателей>.

О Горьком, о великом гуманисте.

Против Жида: ты уехал, и ты не вернулся[8].

Об Островском.

Минута молчания — в память умерших за респ<убликанскую> Испанию.

С огромным подъемом приветствие Р. Роллану.

15. Аргентинец.

16. С двумя крас<ными> и двумя белыми — комс<омольская> спорт<ивная> орган<изация>. Тревога. Девушки и мальчики..

Да здравствует Россия.

В зале на стене золотыми буквами вырезано: Горький и Барбюс.

17. Пионеры заняли президиум. Страстную речь из Коста-Рики.

18. Чилиец. Предс<едатель> Пен-клуба.

Выходим на белый зной спортивной площадки. В синем-синем небе плывут три бомбовоза, грозно ревя. Не дошли мы до середины площ<адки>, донесся тяжелый грохот. Бомбили позиции.

(Июль 1937 г.)

Карабанчель. Корол<евский> дворец. Река Мансанарес (Фр<анцузский> мост).

Ворота Толедо (куда хотел войти Франко)[9].

Говорил ком<андир> дивизии Ганс.. Из залы... Сейчас начинается штурм фашистских поз<иций> вокруг Мадрида. Командир сейчас уезжает на фронт.

Бригада Домбровского с фронта с боевыми знаменами.

Говорил командир. Маленький поляк.

С Интернационалом (весь зал пел) бригада пошла в бой. (Между рядами— подняв кулаки, улыбаясь.)

Альберти[10] сообщает о большой победе. Начало большой атаки. Музыка, весь зал встает, кричит.

В конце дня солдаты приносят два знамени, мундир полк<овника> и штаны, сорв<анные>...

План. Заседание надвое, аэропланы, грохот. Обед. Посещение позиций. Пожар, дымы. Второе заседание. Сообщение о победе.

<Рисунок Толстого — карта Испании.>

Рассказ Кармена[11]. 4 месяца т<ому> н<азад> на голых полях под дождем, в воронках, валялись трупы...

Воронок нет — пшеница. Все возделано...

Гвадалахара. Дворец Инфантадо.

Долина. Замок Ториха.

Бриуэга. Поля. Каменный пункт команд<ира>. Масличный лес, где кр<ылись?> траншеи фаш<истов>. Камни. Сейчас — пшеница. Равнина огромная.

Лощина.

Бриуэга.

В штабе дивизии подошли солдаты. Передайте русским — если фашисты нападут на вашу страну, мы все встанем грудью на защиту, как за свою родину. Когда мы у себя устроим, как у вас, — тогда приедем в гости.

Сад в Бриуэга. Два мальчика. На разрушенных домах висят двери.

Фонтаны. Квад<ратные> колонны улиц.

Людвиг Ренн ужинал со мной <1 слово неразб.>. Ночью во время бомбард<ировки> я увидел его с чемоданом и в кожухе: «О, это пригодится». Днем его увидели в деревне, где рвались бомбы, пулемет, броневики. «Здравствуйте». «Очень хорошо»...

В цепи он шел с карандашом.

Цепи с полной выкладкой и неприкосновенным запасом шли по пшенице.

Танкисты — черные, с расширенными красными глазами, — в них только одна мысль, одно желание.

Лица убитых, прикрытые одеялами...

Митинг. Блестящая речь Кольцова[12].

...Трамвайный кондуктор (которые дают М<адриду> спокойный вид). Под бомбами. Он говорит от рабочих — привет<ствует> пис<ателей>. Говорит — Испанию нельзя завоевать. Мы, народ, дали мировых гениев.

Покупка платья рядом с барри<кадами>. Огромные фасады великолепных домов (многоэтажных) изъязвлены снарядами. Зияют дыры. Внизу баррикады из мешков, прикрывающие витрины. Торгуют магазины. Воронки. Изящные платья. Изящные продавщицы, испанки, сидят в магазинах. Все спокойно и даже будничо. (Гран Виа). Вдруг улица превращается в ад. Мраморные фасады трещат от ударов 8-дюй<мовых> гранат. Улица пустеет. Потом все выходят. Начинают убирать.

Памятники прикрываются.

В конце Гран Виа — фронт. Здесь уже все покинуто, на площади, где Дон Кихот, и Санчо Панса, и дворец[13].

...Универс<итетский> городок. Дама с собачкой. Парочки... Выстрелы. Дети играют в войну. Открыто кино (в 1/2 км от фронта).

На всех площадях действуют городские часы.

Предисловие и публикация А. М. КРЮКОВОЙ,
старшего научного сотрудника Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Портбу — испанский город на границе с Францией. Отсюда делегаты конгресса выехали на автомашинах в Барселону и далее проследовали в Валенсию, где 4 июля открылся конгресс.

[2] Французский писатель-антифашист Андре Шамсон отвечал на приветствие мэра города Портбу от имени прибывших на конгресс писателей

О впечатлении, вызванном этой речью, рассказывает Л. И. Толстая: «А когда в ответ говорил Chamson, с большим подъемом, о той помощи, которую хотело бы принести все культурное человечество свободной Испании, чтобы перестали литься слезы и кровь женщин и детей, я видела глаза, полные слез, которые не отрываясь, с надеждой, с верой смотрели на оратора, плакали женщины, старики и даже дети Когда автокар стал разворачиваться и медленно двинулся, толпа сомкнулась вокруг него, он едва прокладывал себе путь, за ним бежали, поднимая обе руки со сжатыми кулаками» (из дневника, хранящегося в ИМЛИ).

Выступал затем на конгрессе, Андре Шамсон сказал: «Я пришел к вам как человек, которого коснулось одно из самых великих переживаний какие когда-либо знало человечество.. Писатели должны заговорить и рассказать всему миру о том, что они нашли у вас... Пусть проснутся писатели, пусть они разбудят народы, которые терпят совершаемые в Испании фашистские преступления. . Этот страх всего мира перед войной должен превратиться в решимость положить конец этой войне в Испании, которую вы выносите ради нас всех и которая кончится победой правды и справедливости»

[3] Эту запись объясняют путевые заметки Л. И. Толстой: «Гудение грузовика или шум трамвая под окном я несколько раз, по неопытности, принимала за начало налета... Затем мы сели в машины и поехали... На каждом углу машину останавливали патрули» («Молодая гвардия», № 12, 1937).

[4] Немецкий писатель Людвиг Ренн сражался в войсках республиканской Испании, был командиром батальона имени Тельмана, начальником штаба 11-й Интернациональной бригады

[5] Испанская писательница Мария Тереса (Тереза) Леон в годы национально-революционной войны выезжала на фронт в составе «театральных дружин», сочиняла боевые солдатские песни.

[6] Об этом эпизоде, имевшем продолжение (см ниже), Толстой говорил на заключительном заседании конгресса: «Восемь бойцов Интернациональной бригады сдержали слово. В конце вечернего заседания они принесли на сцену два еще пахнувших порохом фашистских знамени и одежду, снятую с марокканского полковника: штаны и мундир, где в кармане был найден клубок золотых цепочек, колец и ручных часов.. Чтобы зал лучше видел боевые трофеи, бойцы подняли знамена на штыках, сбросили и растоптали их .. Ненавистью, непоколебимой, не ищущей компромиссов ненавистью к фашизму...— вот чем охвачен весь испанский народ».

[7] «Этот конгресс приобрел символическое значение, — сказал несколько позже в интервью французский писатель-коммунист Леон Муссинак.— Факт нашего присутствия в Мадриде подчеркнул солидарность всех стран с республиканской Испанией, находящейся на передовых позициях ожесточенной борьбы —физической и духовной — против разрушителей культуры человечества».

[8] Французский писатель Андре Жид в 1936 году посетил Советский Союз, после чего написал книгу, содержащую негативное отношение к советской действительности. Упоминание об Островском (см. ниже), очевидно, связано с тем, что Жид представил этого писателя страдальцем и мучеником (что вызвало резко отрицательную оценку самого Н. Островского).

[9] «Между двумя заседаниями конгрессисты отдельными, небольшими группами осматривали город. Наша группа направилась в Карабанчель... Улица закончилась большой, основательно построенной баррикадой и вышла на просторную площадь. Посредине площади стоит Толедская арка, та самая, через которую Франко много месяцев тому назад собирался въехать в Мадрид» (из путевых заметок Л. И. Толстой).

[10] Испанский поэт Рафаэль Альберти.

[11] В 1936—1937 гг. Роман Кармен был в Испании, на материале, отснятом им вместе с Б. Макасеевым, создано 22 выпуска кинохроники «К событиям в Испании».

[12] Очевидно, имеется в виду выступление М. Кольцова на заседании конгресса 7 июля, состоявшемся в огромном зале кино «Гойя» в Мадриде. Это выступление опубликовано в «Правде» за 10 июля 1937 г.; полный текст его приведен в «Испанском дневнике» М. Кольцова.

[13] Гран Виа — центральная улица в Мадриде — ведет к площади Испании, на которой установлен памятник Сервантесу и героям его книги — Дон Кихоту и Санчо Пансе.

РЕЗОНАНС

Критика учтена

В «ЛГ», № 6 за этот год под рубрикой «Реплика читателя» было опубликовано письмо В. Мещерякова «Не верь глазам своим...», в котором содержались критические замечания в адрес составителей восьмого выпуска «Этимологического словаря русского языка», выходящего в издательстве Московского университета. Мы получили письмо от декана филологического факультета МГУ И. Ф. Волкова и заведующей кафедрой русского языка этого факультета К. В. Горшковой, в котором, в частности, сообщается:

Данное многотомное издание как справочное пособие по русской этимологии и исторической лексикологии является уникальным в советской лексикографии. К настоящему времени вышло уже 8 выпусков «Этимологического словаря русского языка» (А—К). Они были встречены положительными отзывами в советской и зарубежной печати.

Коллектив авторов-составителей и специалисты филологического факультета МГУ с благодарностью принимают деловую и конструктивную критику в адрес «Словаря».

В 8-м выпуске действительно допущен ряд досадных опечаток и неточностей. Ответственность за них несут как составители, так и редакционно-издательские работники всех тех звеньев, которые стоят между автором и читателем. Коллектив «Словаря» благодарен т. Мещерякову за замечания такого характера. Что же касается его замечаний, относящихся к этимологии, то они рассматривались на совещании в деканате филологического факультета МГУ. На совещании было отмечено, что в ряде случаев т. Мещеряков показал непонимание специфики этимологического анализа слов и задач этимологического словаря в отличие от словарей другого типа.

Коллектив авторов и специалисты филологического факультета МГУ постоянно работают над улучшением «Словаря» и принимают все меры по устранению недостатков, неизбежных, к сожалению, в публикациях такого рода. В последнем выпуске «Словаря» будет дан список опечаток и неточностей, а также будут внесены необходимые исправления и добавления.

Нам остается поблагодарить руководство филфака МГУ за оперативный отклик на письмо нашего читателя. Публикуя письмо, мы нисколько не хотели бросить тень на то важное и полезное начинание, каким является издание фундаментального «Этимологического словаря русского языка». Словарь этот необходим и специалистам самого разного профиля, и всем тем, кто интересуется русским языком. Надеемся, что после завершения издания и исправления вкравшихся в его отдельные выпуски неточностей и недоработок «Этимологический словарь» под редакцией Н. М. Шанского займет свое достойное место в ряду замечательных работ советских лингвистов.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ «ЛГ»

В нашей поэтической рубрике

В МАЕ СОСТОИТСЯ X СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРИИ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ СТИХИ ПОЭТОВ РЕСПУБЛИКИ.

Сибгат ХАКИМ

■

Столешница моя — ржаное поле,
и каждым утром —
вдруг да грянет гром! —
как будто никогда не жал дотоле,
я, как серпом, работаю пером...

Ведь это — мной возделанная нива!
Я радостно гляжу на благодать...
Волнуется,
торжественна, красива...
Хлеба созрели — время убирать.

Едва дожата рожь — уже пшеница
желтеет,
ждет вниманья... Я спешу.
Столешница живая колосится.
Грозит ли дождь со снегом — я пишу.

Пучок стеблей рукой сожму,
счастливый
сознаньем пользы,
смысла бытия...
Неистощима, как Отчизны нивы,
щедра ко мне столешница моя...

Перевел Равиль БУХАРАЕВ

Равиль ФАЙЗУЛЛИН

Белый парус

Когда сиротства черное крыло
моей коснулось белой колыбели,
мне не погибнуть чудо помогло —
твои лучи, родимая, согрели.

Сойдут ли белые на землю облака?
Сольются ли с туманом над Чаганом?
Какие позовут издалека
мечтами белыми просторы мальчугана?

О нет же, нет! То пуговки... Они
блестят на белом. Думаете — слезы?..
Какие тучи над тобой прошли,
надежда белокрылая, и грозы...

Из черной ночи детства я бежал
в мир белых звуков и мелодий светлых.
Я все их нежно в сердце удержал,
все, сколько встретил.

Взбирался я до белизны вершин,
где ветер норовит столкнуть и гикнуть.
На гребни волн бросался я один,
не думая о том, что мог погибнуть...

Летят на всех парах, летят мои года.
Как белых молний, их сдержать не властен.
Да, разною была моя судьба,
но я скажу: мир светлый. Он прекрасен!

Плыву я с белой-белой головой,
как белый парус, в белые преданья.
И стайка белых чаек надо мной —
мои года. Мои воспоминанья.

Перевела М. АВВАКУМОВА

Ильдар ЮЗЕЕВ

■

Над мелочами поднимись,
И я—все выше!..
Луне и солнцу не сойтись,
Мы ж станем ближе.
Найдем друг друга и во мгле,
Найдем, достанем...
Не слиться небу и земле, —
Мы ж ближе станем!
Увидишь будущее ты,
И я увижу!
Родное ближе с высоты,
Мы станем ближе.
Покуда в вечность не уйдем,
Пока не канем,
Друг друга на земле найдем, —
Мы ближе станем.

Перевел Вячеслав БАШИРОВ

Гарай РАХИМ

Тукаю — поэту-кудеснику

Как и в день прощанья твоего
С вешним миром,
почки набухают...
Посмотри, Тукай, —
Кругом светло.
Вся Казань на солнышке сверкает.

Твой край —
Наш край
зазеленел,
Ивы листья выбросили,
кличут...
До конца ты песню не пропел
Росному сиянью Кушлауча.

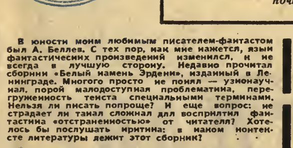
Ты одной бедой
с народом жил,
Горькой песней
горевал с народом.
Ты не жил —
, ты помощью спешил
К беднякам — униженным, голодным.

Ты всегда бросался смело в бой,
Отвечая на удар ударом.
И строка твоя вилась
камчой,
Подлецов бросая в дрожь
Недаром.

Как и в день прощанья твоего
С вешним миром,
почки набухают...
Посмотри, Тукай, —
Кругом светло,
Вся Казань на солнышке сияет.

Вся она — как памятник тебе,
Что сложил ты сам.
Других — не знаю!
Твои песни реют над Казанью
И живут у каждого в судьбе!

Перевел Николай ШАМСУТДИНОВ

Известно, как горячо и заинтересованно все советские люди обсуждали проект ЦК КПСС о школьной реформе, легший в основу ныне принятых Основных направлений. Откликнулась на нее и редакция журнала «Радуга», опубликовав на своих страницах (№№ 10, 11, 12, 1983) повесть Марии Глушко «Возвращение». Откликнулась весьма своеобразно.

Главный герой повести, директор школы, с первых страниц повествования производит на читателя весьма странное, если не сказать, гнетущее впечатление. В личной жизни его — полный кавардак и беспринципные метания. Все события в школе, изображенные весьма бедно и примитивно, совершаются тоже помимо его воли. Случайно директор, случайно педагог, случайно глава семейства...

Но вот что странно: автор не видит в том ничего необычного, даже сочувствует этому ноющему бездельнику. Складывается впечатление, что М. Глушко вообще далека от злободневных проблем современной школы, от учительской среды, потому и описание последней в высшей степени ходульно, а порой и просто карикатурно.

Е. И. ПОПОВ,
педагог, инженер

КИЕВ

Юрий АЗАРОВ

ФЕНОМЕН СЛУЧАЙНОСТИ

ПОНИМАЮ автора письма. Если бы повесть не затрагивала святая свя-

метил и автор письма. Юрий Николаевич Латышев, герой повести «Возвращение», поистине человек случайный во всех отношениях. И этот человек — педагогический лидер. Полно, может ли такое быть? — изумляется Е. Попов. Я сначала тоже возмутился, а потом, оглядевшись на многие беды в нашем образовании да припомнив десятки статей о неблагополучии в школьном воспитании, понял: вот он, тот человек, из-за которого все валится в педагогике.

Так кто же он все-таки?

Волей писательницы Марии Глушко Латышев — добрый человек без действия и без обязанностей. Ему нет дела до усложняющихся форм школьной жизни. Нет дела ни до шестилеток, ни до одиннадцатилеток, ни до новых систем и способов соединения образования с производительным трудом, гражданственностью, искусством, культурой поведения, ему плевать на перегрузки, на процентоманию — он живет в курортном городе, дышит прекрасным воздухом и мучается от любви.

Я подумал: а нет ли здесь у автора ловкого художнического хода, когда развертывается этакая хитрая «карнавальность»?

— Кто живет духовной жизнью, тот не страдает из-за ковров, туфлей и хрусталя!

Латышев поморщился: «туфлей». Она могла сказать ученику: «Одевать шапку в школе нельзя!» или «Не ложите в портфель лишние вещи!»

Завучу от имени коллектива возражает пошляк Иван Иванович:

— Ну, поскольку зарплата у нас небольшая и украсть нам нечего, мы, Галина Васильевна, вынуждены жить богатой духовной жизнью. Конечно, мы могли бы брать взятки, да никто не дает.

Галина Васильевна подняла голову, косо, боком посмотрела на него.

— Ваши шуточки, Иван Иванович, переходят границы! — Она выдержала паузу. — Мы охотно рассуждаем о коврах и зарплате, а вот о любви и своему делу рассуждений не слышно.

Я думаю о кредо автора. Одна из проблем повести — пошлость. Я так понял. Кто борется с пошлостью? Галина Васильевна, в силу своего невежества, не в состоянии защитить идеал. Жизнь показывает: когда в нравственный бой кидаются дураки или закоренелые догматики — добра не жди! А тем более — нравственной победы. Оказывается совершенно неподготовленным к любой борьбе и рефлектирующий Латышев.

Мне не хотелось бы присоединяться к тяжким обвинениям, выдвинутым в письме читателя Попова: автор, мол, не знает школьной жизни, учительства, детей. Здесь что-то другое, более существенное. На уровне явления. В потоке литературной периодики, которая затрагивает интересующую нас проблему, встречаются вещи, невольно останавливающие на себе глаз. Не все там уж серо. На веселеньком ситчике попадается и модный горошек, и элегантная полоска. Сколько мы знаем таких произведений, которые по материалу, возможно, и по замыслу предельно остры: изображается тупиковая безысходность характеров и ситуаций, но вот парадокс — несмотря на это, острой социальной критики не получается. Тщательно соскобленная с поверхности общеизвестных недостатков муть не оборачивается высокой гражданственностью, не являет нам чуда художественности.

Здесь работает закон, который я назвал бы законом оборотничества, «мнимой правды». Сколько ее, этой мнимой, порой надуманной правды в литературном потоке, где дети ни с того ни с сего тонут или еще как-то нелепо умирают, бегут из дому и т. д., чтобы удовлетворить жажду писательского трагизма, где учителя и родители выглядят этакими монстрами. А с какой щедростью писательское перо порою разбрасывает по своим творениям «клубничку», в ассортимент которой вхо-

Нет ли своей «загадки» характера и ситуации, подобно той, о которой я недав-

В юности моим любимым писателем-фантастом был А. Беляев. С тех пор, как мне кажется, язык фантастических произведений изменился, и не всегда в лучшую сторону. Недавно прочитал сборник «Белый камень Эрдени», изданный в Ленинграде. Многого просто не понял — узконаучная, порой малодоступная проблематика, перегруженность текста специальными терминами. Нельзя ли писать попроще? И еще вопрос: не страдает ли такая сложная для восприятия фантастика «отстраненностью» от читателя? Хотелось бы послушать критика: в каком контексте литературы лежит этот сборник?

А. ЧЕРЕМИСИН,
пенсионер

ЛЕНИНГРАД

Лев КУКЛИН

КОСМОС ЛИЧНОСТИ

ЧЕЛОВЕК получил возможность записать себя на пластинку. Нет, речь идет не о записи голоса. В ней давно уже нет ничего фантастического. А мы собираемся говорить как раз о научной фантастике.

«Сквозь коллоид полыхнул когерентный луч — выстрелил сквозь биоплазму, охватив меня... Тотчас же автоматически включилась записывающая аппаратура... Крутился медный диск, и алмазный резец старательно выстругивал на нем замысловатую строчку моего «Я», — читаем в романе Г. Бальды-

на Тихого» Станислава Лема или «Заповедник гоблинов» Клиффорда Саймака. Старуха угощает молодого инженера самодельной конфетой... А потом начинаются чудеса! Может быть, следовало бы назвать волшебное снадобье биостимулятором? Неважен повод, важна суть: повесть получилась веселой, умной, озорной и — самое главное — очень доброй. Не

Бориса Стругацких «Жук в муравейнике». Мне всегда было любопытно следить за творчеством этих писателей, которые сейчас, без преувеличения можно сказать, входят в «первую сборную команду» фантастов нашей планеты. В их произведениях — возьмем, к примеру, «Далекую Радугу» или «Хищные вещи века», «Трудно быть богом» или «Малыша», «Обитаемый остров» или «Пикник на обочине» — всегда есть не только напряженный сюжет, глубокий смысл, неожиданная коллизия, но, я бы сказал, еще и Образ произведения, образ обобщающий, крупный, вырастающий до философского символа. Очень важно, что почти всегда писатели Стругацкие, ставя своих героев перед поступком, перед нравствен-

нет: это могли быть мы с вами! Мы с вами — только с иной, перестроенной моделью поведения...

Сборник ленинградских фантастов весьма разнообразен по представленным в нем жанрам: роман и повесть, повесть-сказка и повесть-притча, острый памфлет С. Снегова и изящная шутка В. Шефнера, лирические рассказы Н. Никитайской и Г. Панизовской и рассказ-гротеск Б. Никольского. И это тоже весьма знаменательно: фантастика расширяет спектр своих возможностей в исследовании мира. Думаю, что ответил на вопрос А. Черемисина о роли фантастики в литературном процессе.

Пожалуй, сейчас не так уж важно для истории фантастической литературы, кто из великих фантастов современности первым произнес фразу: «В Космосе нас ждет Неизведанное» — Станислав Лем или Рэй Брэдбери, Айзек Азимов или Иван Ефремов. Каждый из них всей мощью своего воображения поработал над тем, чтобы представить обыденному человечеству, ка-

СЛУЧАЙНОСТИ

ПОНИМАЮ автора письма. Если бы повесть не затрагивала святая святых — детства, становления человеческого характера, если бы она не касалась столь важной темы, какой является сложный мир руководителя педагогического коллектива, если бы, наконец, публикация повести не совпала по времени с всенародным обсуждением вопросов, какой быть школе, каким быть учителю — может, тогда и не было бы подобной реакции читателя.

Воздадим должное: Мария Глушко выбрала не случайную тему. В центре ее повести «Возвращение» — фигура директора школы, впрочем, волновавшая литературу на протяжении многих лет (достаточно вспомнить книги Макаренко, Сухомлинского, Пантелеева, Каверина, Вигдоровой, Тендрякова и многих других).

Время всегда требовало определенного типа лидера в педагогике — человека, способного объединить взрослых и детей, умеющего «вызвать их самостоятельность, содействовать всячески развитию детского движения» (Луначарский, «Какой педагог нам нужен»). Литература и жизнь смыкались в своих поисках, взаимно обогащая друг друга.

Какие же тенденции обнаружились за последние тридцать лет? Поражает, например, такая любопытная обусловленность. В 50—60-е годы воспитание как будто ориентировалось на талантливых директоров школ и развертывание широкой самодеятельности учащихся. В 70—80-е годы в жизни и литературе на смену директорским именам приходят учительские. Единицей измерения, полем борьбы и педагогических испытаний становится класс, отдельный учитель, ученик (повести и рассказы О. Гончара, А. Алексина, В. Астафьева, В. Распутина и др.). Директор рисуется «фоновой» фигурой, нужной лишь для развития интриги произведения. Ареной человеческих и педагогических страстей становится личность учителя-новатора, которому иной раз и противостоят руководители школьного дела. Вспомним удачные драматургические работы Г. Полонского «Доживем до понедельника», С. Соловейчика «Печальный однолюб».

Какую же линию развития «школьной прозы» можно прогнозировать, исходя из требований современности? Предсказание само стучится в нашу жизнь (и в литературную, и в педагогическую). Думаю, проблема директора школы, самодеятельности и труда, авторитета, дисциплины и творчества скоро станет для школы и для педагогической литературы ведущей.

Школа — это тот космос, который подвластен генеральному конструктору, работающему в содружестве с творческими исполнителями его замыслов и воли. Современный директор — генератор идей и творец системы, частями которой является все, что наработано человечеством: знания о природе и человеке, наука и культура, искусство и физическое развитие, опыт общения с людьми, тончайшие способы прикосновения к личности.

У современного директора нет выбора: он либо научится видеть и защищать все нравственно-прогрессивное в каждом педагогическом приеме, в каждом учителе, в каждом ребенке, либо неизбежно станет для школы случайным человеком, будет творить зло, какими бы отдельными прекрасными качествами он ни обладал.

В повести Марии Глушко меня поразила случайно (может быть, мне так показалось) угаданная тема **случайного** человека в школе. Это как раз точно отНет ли своей «загадки» характера и ситуации, подобно той, о которой я недавно писал в связи с повестью Каверина?

Но после многократного прочтения понял: ничего этого нет. Идет прямое «отражение» жизни, как она есть. А вы, читатели, делайте выводы сообразно вашему жизненному опыту и нравственным представлениям. Я и делаю. Следя за душевными метаниями героя, этакого феномена (что-то среднее, ни мужчина, ни женщина), за его беспомощной, рефлектирующей маниловщиной, вспоминаю подвижнические жизни многих директоров. Их нередкие высказывания: «Инициатива наказуема». (И родилась же такая отвратительная поговорка!) Так, может быть, латышевы как раз и олицетворяют мир самых безынициативных людей, противостоящих творчеству, энергии, деловитости? Вкралась в мое сознание нелепая догадка: возможно даже, он и поставлен-то на свой пост случайными людьми умышленно? И окружающих устраивает деликатная молчаливость «лидера», который все понимает и молчит, дает всем пожить: ученику, расквасившему физиономию своему однокашнику, заплывшей от жира жене, или падчерице Женьке, которая так наловчилась вымогать, что стала виртуозом в этом деле, или даже «коллективу», который он любит, любит всех этих никчемных, пошлых и бездарных людей, всех, за исключением, пожалуй, завуча по воспитательной работе Галины Васильевны, этакой педагогической зверюги, угнетающей всех, начиная от нянечки, кончая педсоветом.

Противница сюсюкающей педагогики, она, впрочем, — единственная не случайная здесь, а по-своему знающая дело и готовая идти напролом за утверждение своих принципов. Эта ее готовность уже чревата дурной ущербностью, поскольку невежество завуча столь очевидно, что остается только дивиться, каким образом безграмотный человек попал в школу.

Из собственной практики помню учительниц, которые иногда «ошибались», называя шекспировскую Офелию Олифией, путали Ренессанс с декадансом, средние века с древностью, а Достоевскому приписывали сплошную реакционность, объявляя совесть ненужным самокопанием, вредным занятием, уводящим от глубоких процессов поступательного движения, направление которого было им «доподлинно известно». Если кто не шел за ними, умели так расчехвостить и распесочить любого и так потом во всеуслышание заявить: «На нас школа держится!» — что никогда и в голову никому не приходило подумать, а как же эти невежественные и ограниченные люди попали в школу.

Наша педагогика имеет в активе блистательный опыт руководителей школьного дела — Сухомлинского, Костяшкина, Карманова (Москва), Гранкина (Тульская обл.), Ткаченко (Кировоград) и нынешних учителей — Волкова, Лысенковой (Москва), Шаталова (Донецк), Ильина (Ленинград), Бабушкина (Ростов) и многих-многих других. В основе их опыта — принципы самодеятельности, коллективизма, свободного развития каждого ученика! В повести же происходит нечто вроде циркового фокуса. Вместо подлинных ценностей или анализа действительных противоречий читателю подсовывается пошленький треп, многократно уже повторенный и в литературе, и в кино. Вот столкновение Галины Васильевны с коллективом:

...предельно остры: изображается тупиковая безысходность характеров и ситуаций, но вот парадокс — несмотря на это, острой социальной критики не получается. Тщательно соскобленная с поверхности общеизвестных недостатков муть не оборачивается высокой гражданственностью, не являет нам чуда художественности.

Здесь работает закон, который я назвал бы законом оборотничества, «мнимой правды». Сколько ее, этой мнимой, порой надуманной правды в литературном потоке, где дети ни с того ни с сего тонут или еще как-то нелепо умирают, бегут из дому и т. д., чтобы удовлетворить жажду писательского трагизма, где учителя и родители выглядят этакими монстрами. А с какой щедростью писательское перо порою разбрасывает по своим творениям «клубничку», в ассортимент которой входят и средства так называемого «оживляжа», и квазифилософские рассуждения.

Для меня детство — синоним творчества, высоких порывов. Детство и пошлость несовместимы. Проблема детства так или иначе вбирает в себя все важнейшие решаемые и нерешенные проблемы века. Напомним: с середины прошлого столетия отношение к детству нередко определяло направленность творчества таких выдающихся писателей, как Толстой и Горький, Гессе и Джойс, Фолкнер и Пруст. На перекрестье детства и взрослых тревог неожиданно высекаются необыкновенной чистоты нравственные истины и художественные образы, открываются особые законы восприятия психологических состояний человека... Мысль Достоевского о принципиально неоправданном детском страдании становится центральной идеей его философских взглядов, касающихся воспитания и нравственного обновления народа, человечества (кстати, схоластическое теоретизирование в современной педагогике и психологии процветает временами именно потому, что предается забвению детство).

Так вот, по-моему, высший критерий истинности произведений педагогического жанра в первую очередь — нравственная чистота. Малейшие вкрапления безнравственных или нетворческих, схоластических, замутненных начал в художественную ткань неизбежно ведут к перерождению всего писательского замысла.

Изображение детства требует адекватных средств, исключающих даже толику приблизительности. Воспитание сродни высокому искусству. Истинное педагогическое общение развертывается по законам красоты, по законам единения справедливости и сострадания, воли и радости, рождающих то неповторимое движение мысли и чувства, которое непременно хоть чуть-чуть, да приблизит к идеалу, заронит в глубины души великое наслаждение, какое всегда испытывает человек, соприкоснувшийся с нравственной чистотой, с высокой гражданской правдой.

КОСМОС ЛИЧНОСТИ

...сать себя на пластинку. Нет, речь идет не о записи голоса. В ней давно уже нет ничего фантастического. А мы собираемся говорить как раз о научной фантастике.

«Сквозь коллоид полыхнул когерентный луч — выстрелил сквозь биоплазму, охватив меня... Тотчас же автоматически включилась записывающая аппаратура... Крутился медный диск, и алмазный резец старательно выстругивал на нем замысловатую строчку моего «Я», — читаем в романе Г. Бальдыша «Я убил смерть», вошедшем в сборник ленинградских фантастов «Белый камень Эрдени» (Ленинград). Великую, вечную проблему — проблему человеческого бессмертия — поставил перед собой и решил герой этого произведения ученый Вадим Алексеев. Может быть, кому-то покажется, что читатель А. Черемисин прав, что приведенный небольшой отрывок несколько перенасыщен научной терминологией: коллоид... когерентный луч... биоплазма... Но едва ли возможно, вводя читателя в мир научных (пусть и научно-фантастических) идей, совсем обойтись без этой терминологии. Важно другое: при всей своей фантастичности роман Г. Бальдыша — именно роман: с драматическим сюжетом, с борьбой идей, динамическими взаимоотношениями действующих лиц, с подробно выписанным весьма современным циником и паразитом при науке Лео Левченко, противоборствующим герою. С любовью, смертью и... воскрешением из мертвых!

Загадка человека, структура его личности, не говоря уж о бессмертии, проблемы и загадки, связанные с живой и мыслящей материей, оказываются посложнее, чем загадки глубокого космоса. И, думается, не случайно в книге «Белый камень Эрдени», недавно выпущенной Лениздатом, вольно или невольно проявилась любопытная тенденция: сборник этот по своей тематической направленности можно назвать «биологическим». Что это: результат «направленного отбора», произведенного составителем Евгением Брандисом, известным знатоком и теоретиком научно-фантастического жанра? Нет, скорее отражение определенных закономерностей развития фантастики в целом.

О романе Г. Бальдыша «Я убил смерть» мы уже говорили. Рядом с ним можно было бы поставить повесть «Старуха с лорнетом» Олега Тарутина. Она относится к образцу современной «фэнтэзи» — сказки, которая в своих фантастических допущениях не требует никаких логических научных обоснований. Примеров тому множество, в том числе и ставших классикой жанра. Достаточно назвать «Звездные дневники Ийона Тихого»... не говоря уж о том, что известный поэт О. Тарутин, давно разрабатывающий фантастические мотивы в своих стихах и поэмах, впервые выступает в роли прозаика. И эта роль ему вполне удалась.

О. Тарутин — не единственный автор сборника, выступающий в новом для себя качестве. И это, думается, закономерность: фантастика с ее специфическими возможностями притягивает людей из различных литературных цехов. Геннадий Николаев, чья повесть «Белый камень Эрдени» дала название сборнику, был доселе известен как крепкий прозаик-реалист. Его повесть, пожалуй, можно назвать повестью-притчей. Мотивы бурятского сказания, легенды — подлинной или тонко стилизованной — автор использует, как развернутую метафору, позволяющую ему переносить своих героев в разные временные пласты. Но автору важны не столько фантастические ситуации, сколько морально-этические проблемы, варианты решений.

И, наконец, четвертая крупная вещь в сборнике — это повесть Аркадия и

...раз произведения, образ обобщающий, крупный, вырастающий до философского символа. Очень важно, что почти всегда писатели Стругацкие, ставя своих героев перед поступком, перед нравственным выбором (это само по себе является вечной задачей литературы!), стараются своим фантастическим приемом содрать с нас защитную кору равнодушия, самоуспокоенности и самовлюбленности, выступая против наивного, удобного, а иногда и узколобого антропоцентризма. Чем оно — это самодовольное ощущение себя центром Вселенной — лучше средневекового геоцентризма, когда вся конструкция мира превращалась в ярмарочную карусель, вращающуюся вокруг заштатной планетки, затерянной со своими обитателями и своим солнцем на окраине одной из многочисленных галактик?!

«На нас идет автомат Странников».

Помню, как я вздрогнул от какого-то странного, холодноватого... пожалуй, не страха, нет — предчувствия, когда прочел эту фразу в новой повести братьев Стругацких.

А ведь автомат Странников — представителей загадочной высшей цивилизации, кочевников Космоса — это был не неведомый межзвездный корабль, не сверхмощное взрывное устройство —

...тил на вопрос А. Черемисина о роли фантастики в литературном процессе.

Пожалуй, сейчас не так уж важно для истории фантастической литературы, кто из великих фантастов современности первым произнес фразу: «В Космосе нас ждет Неизведанное» — Станислав Лем или Рэй Брэдбери, Айзек Азимов или Иван Ефремов. Каждый из них всей мощью своего воображения поработал над тем, чтобы представить обыденному человечеству, каким оно может быть — это самое Неизведанное. Их мечты, их мысли, их безграничная фантазия — самые удивительные источники энергии! — уносили нас в бесконечные просторы космоса, ставили лицом к лицу с моделями всевозможных миров и возможных катастроф на путях прогресса, мы всматривались в лик неведомого — и иногда радовались, иногда отшатывались в ужасе...

Со времен А. Беляева расширился и значительно усложнился круг самих научных проблем, стоящих перед человеком. Вникая в жизнь, фантастика, как и вся литература, естественно, не может не рассматривать эти проблемы.

Сфера действия основных произведений, вошедших в сборник «Белый камень Эрдени», — тоже космос, но не глубокий космос холодных межзвездных пространств, а глубокий космос человеческой души, бескрайний космос человеческих взаимоотношений, загадочный космос человеческой природы. Тот самый космос, который является вечным предметом исследования и для всей литературы в целом.

ЛЕНИНГРАД

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении поэта Эль-Регистана Г. Г. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить поэта Эль-Регистана Гарольда Габриэльевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ЧЕРНЕНКО.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. 27 апреля 1984 г.

О ТОВАРИЩЕ ПО ПЕРУ

БЕЗ ЗЕМЛИ СВОЕЙ—НИ ШАГУ

«ПОЭЗИЯ... Зачем ты мне нужна?..» — многократно вопрошает Гарольд Регистан в одном из своих стихотворений, исповедуясь и перед своим читателем, и перед самим собою. И, как бы искушая себя, рисует некую идиллическую картинку спокойного житья на неспокойной нашей планете для человека, отринувшего от себя эту «клятую» поэзию. В самом деле, рассуждает автор, много ли человеку нужно? Была б семья — детишки да жена, квартира — пара комнат, газ и свет, с газетой — завтрак, с книгою — обед. А ежели прибавить немножечко вина к тихому ужину — чего же лучше!

Поэзия...
Зачем ты мне нужна?..

Однако, умница, знает — зачем. Знает отлично и сам поэт, да только поддразнивает, подзадоривает и свою музу, и себя, а может быть — скорее всего, именно это, — ведет яростную полемику с теми редкими минутами душевной утомленности или растерянности, когда вдруг захочется оставить этот горячий, не шибко полезный для здоровья поэтический цех и пожить в миру да в ладу у тихого семейного очага. Но, к счастью, минуты эти быстро проходят, и снова — ночь без сна, и снова — в путь, потому что

Ведь столько надо мне
еще успеть
Увидеть, пережить и
людям спеть!

И из-под нетерпеливого пера льются на чистый лист бумаги строчки, то исполненные публицистического задора, ораторской одержимости, порой веселые, порой гневные и никогда — равнодушные; то добытые из глубин сердца, бесконечно нежные, интимно-стыдливые.

Очень многим из нас полюбились книги Гарольда Регистана — «Любовь и песня», «Сердце», «Зрелость», «Звезды в снегу», «Продолженье мое», «Стать березой», «Голос долга» и вышедший в начале нынешнего, 1984 года сборник избранных стихотворений, поэм, песен и переводов.

Песни, написанные Г. Регистаном, представлять не нужно. Достаточно вспомнить из них две-три строчки: «Снова меня море зовет», или: «А вокруг — голубая, голубая тайга», или: «Хорошо мне с тобой идти по ночной Москве». До сих пор поются «Песня первой любви», «Неповторимая», «Я встретил девушку» и многие другие — я их бравном л насчитал более семидесяти песен. Щедра палитра поэта: на ней — краски и для тонкой акварели, и для мужественного цикла «На берегах Урал-реки», и для поэм, написанных в неожиданно разных ключах, — «Стать березой», «Синий лен», и для философских космических ямбов.

Из множества признаний, разбросанных поэтом по стихам, поэмам и песням, мы можем легко вывести его поэтическое и гражданское кредо. Но для этого вовсе не обязательно обильное цитирование, достаточно сослаться на одну-две строфы, хотя бы вот эти:

Я без земли своей —
Ни шагу!
На ней я встал,
В нее и лягу.

Отсюда и тревога за нее, землю, в век технического прогресса:

...Земля, как женщина,
кричала,
А вышка хмуро
нефть качала,
И кровь стекала
под уклон.

Земля родная, Русь Советская живет, радуется и страдает во всех произведениях Гарольда Регистана. Не о ней ли думает поэт, когда восклицает:

Как мне понятно
счастье ручейка:
Не раствориться,
А с тобою слиться.

Особенно отчетливо это желание слиться с родимой землей, стать ее горячей каплей, росинкой, травинкой или веточкой прозвучало в одной из самых значительных работ Гарольда Регистана — в поэме, которую он так и назвал: «Стать березой».

Мысль о единении, о всечеловеческом братстве особенно сильно прозвучала и в «Космических ямбах», продиктованных тревогою за судьбы мира:

Не расчленять —
соединять.
Вот назначенье
человека.

Может быть, эта же мысль побуждает Г. Регистана и к переводческой деятельности. Именно как переводчик он стал лауреатом республиканской премии Армянской ССР.

Однако вернусь к тому, с чего начал это короткое слово о поэте, которому исполнилось шестьдесят лет и муза которого обрела и глубину, и подлинную зрелость. Его поэзия нужна людям, потому-то и сам поэт не может и дня прожить без нее:

С каждым днем —
Все сильней.
С каждым месяцем —
Злее.
С каждым годом —
Отчаянней
Хочется жить.
Все успеть,
Ни себя, ни других
не жалея,
Долюбить,
Добороться,
Допеть,
Додружить!

Я верю: все это сбудется!..

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

МОНОЛОГ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Сергей ГЕРАСИМОВ

ТОЧКИ ОТСЧЕТА

«ГДЕ УЖ книге гоняться за современной информативной мощью?» Это крайне опасное суждение, которое вызывает у меня не только протест, но и отвращение. В век взбесившегося факта именно литература и искусство, как никогда, могут указать человеку верные ориентиры, помочь ему разобраться в себе и окружающем мире.

Интеллигентный человек не будет смотреть на художественное произведение единственно как на источник информации. Чтение для него отнюдь не только приятное развлечение, оно неизбежно требует равного труда мысли, труда души. Если, конечно, читатель в какой-то мере адекватен писателю.

В жизни наше непосредственное зрительское восприятие часто упрощает явление. Литература же, книга, писательское творчество обнаруживают в нем глубинный смысл, наполняют, обогащают его, таким образом расширяя возможности зрительного восприятия.

Из всего, что я сделал в кино, мне наиболее дороги сценарии, потому что там — слово. А слово всемогуще в передаче образного мира. К сожалению, в процессе последующего воплощения слова в пластические образы кино почти неизбежны компромиссы и утраты. Для меня литература как наиболее всеобъемлющее искусство нацело перечеркивает расхожую поговорочку: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Служа кинематографу и любя его, я утверждаю: литература безгранична в своей мощи и сейчас. Она только внешне отодвинута на третий план телевидением и кино.

Я ЗАКАНЧИВАЮ фильм о Льве Николаевиче Толстом. Все последние годы живу в сфере интересов этого громадного человека. Его мировоззрение было противоречивым. Но все его противоречия сходились в одной точке — в стремлении улучшить род человеческий. Главным на этом пути ему виделось нравственное самоусовершенствование личности.

В каждом из нас должна быть мера самокритики, самоконтроля, самоиронии. Когда человек способен к критике в свой собственный адрес, значит он уже встал на путь самоусовершенствования. Беда, если он эту способность утрачивает. Самодовольство, самовлюбленность — первый признак деградации. С этого начались худшие времена Древнего Рима и его распад. Нам бы надо об этом помнить.

К постоянной работе над собой, к самокритике призывает нас наша партия. Самокритика — это прежде всего путь к подлинному самопознанию. Часто этим пренебрегают как неким нравственным излишеством. Критикуют за то, за что можно и не критиковать. Опускают главные недостатки и обрушиваются на себя за крохотные упущения — старый испытанный способ профанации критики.

«МЫ НЕ МОНАХИ», — говорят те, кто никаких сдерживающих нравственных законов над собой не признает, будучи внутренне убеждены, что все дозволено. Отсюда последовательная утрата представления о долге, трудовой и нравственной дисциплине. Отсюда и вся система неточных браков, и огромное число разводов. И вот получается, что человеческое «я», требующее своего самоосвобождения, оказывается направленным не на созидание, не на общественно полезное, а на разного рода чепуху. Нет ничего более нелепого, чем созерцание в ресторанах под оглушительный рев джаза толп в экстазе прыгающих (якобы танцующих) молодых и не очень молодых людей. К сожалению, люди с высшим образованием здесь ничем не отличаются от людей, такового не имеющих. Разве что могут выше прыгнуть или теоретически еще и обосновать, что прыгать надо именно так, а не иначе, дабы вписаться в современный дизайн и кайф.

Отчего это происходит? От

Фото В. СТЕПАНОВА

Я не задумываясь ответил — ум. Ответ вызвал замешательство в зале, все опешили. Как? Не доброту? Не отзывчивость? Не скромность? Не честность?

Я глубоко убежден, что и доброта, и отзывчивость, и скромность, и честность — производные от развитого ума, им порождаются и им контролируются. Ум — величайший ограничитель человеческих страстей. Прекрасный писатель Василь Быков убедительно показал в своем творчестве, что в условиях войны человек даже на смерть идет от ума. Жертвенность, героизм, — все это от развитого интеллекта и от сознания, подвиг — это исполнение человеком его человеческого долга перед собой и перед людьми. А откуда же осознание своего долга, как не от ума? Тут и гуманитарная образован-

укладывается ни в какой ранжир, он пролил немало крови своих братьев. Тем не менее жажда истины и стремление найти свое место в жизни если не оправдывают его, то во всяком случае открывают истинную картину века. Они открывают все то, что нужно знать, чтобы жить на этом свете, понимая его. Роман Шолохова тем и велик, что он рассказал правду о той немыслимой, но и грандиозной эпохе, с которой начался новый счет времени.

А правда истории лучше всего воспитывает людей. Как и всякая правда.

КОГДА-ТО авторитеты для ребенка начинались в семье. Теперь воспитание человека в основном происходит в школе. Колоссальную роль в этом плане играют литература и история.

Литература вошла в школы сразу, как

стремятся. В Америке никто на следующий этаж по лестнице не только не поднимется, но и не спустится, будет терпеливо ждать лифта.

Люди вне комфорта уже не мыслят счастья. Между тем комфорт хорош только тогда, когда не делают из него культа.

А насчет нехватки времени — время для чтения, причем спокойного, не урывками, надо отыскивать. Пусть даже в чем-то другом себе отказывая. Но лишить себя чтения нельзя, так же как жить без пищи и питья. Одно смертельно для тела, другое — для души.

ЧТО Я ЧИТАЮ? Последние годы это более всего Толстой и литература о нем. Я дожил до такого возраста, когда становится особенно понятным, что в любой книге самое интересное и важное не сюжет, а автор. Самое большое счастье — прикоснуться к человеческому гению и понять его. Хотя бы сосуществовать с ним, если не погружаться в него целиком. Я уже говорил это, но буду повторять всю оставшуюся жизнь.

Мои любимые поэты — Блок, Пастернак, Заболоцкий и, конечно же, Пушкин. Чтение Пушкина не прерывается у меня ни на день. Это нескончаемый разговор с поэтом и человеком. В любом настроении, в любой степени усталости в него погружаешься, чтобы просто облегчить душу. Пушкин — это то благо, та степень гармонии, которая завещана нам природой и историей в порядке утешения от несовершенств и бед человеческих. Это как лекарство для души.

Меня часто спрашивают, почему я, в общем-то режиссер современной темы, в последнее десятилетие обратился к истории, к экранизации литературной классики. Ответ простой. Я решил отдать дань любимым книгам, пока еще есть силы. Я бесконечно люблю «Красное и черное», хотя не могу сказать, чтобы Стендаль был для меня учителем на все случаи жизни. Шекспир, Бальзак, Флобер, Драйзер, Мериме не менее почитаемы мною. Мои фильмы «Красное и черное» и «Петр Первый» — это просто дань любимым книгам, а отсюда и их героям, и их концепциям. Я всю жизнь мечтал поставить «Кармен», уже начинал работать с мексиканцами, но судьба рассудила по-иному.

Я люблю и нашу современную литературу. Всех живых не перечислишь, в каждой национальной литературе есть свои отличные прозаики и поэты, но из ушедших Ф. Абрамов и В. Шукшин, каждый по-своему, мне особенно близки. Студенты нашей мастерской для своих учебных фильмов постоянно обращаются к их произведениям. И это наиболее прямое свидетельство глубокого уважения к их творчеству, к тому большому делу, которое делает вся наша литература в целом.

Из молодых мне хотелось бы назвать и рекомендовать всем Владимира Маканина. За последние годы он очень углубил свое дарование. Ему пришлось много пережить, и видно, что он многое передумал.

Стараюсь просматривать наши журналы: «Новый мир», «Наш современник», «Иностранную литературу». С интересом заглядываю во вторую половину этих журналов и замечаю, что публицистика, литературоведение теперь порой бывают ярче представлены, чем поэзия и проза.

«Новый мир» у нас по-прежнему журнал-лидер, он больше других печатает то, что ближе всего стоит к первой полке.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ наших писателей все теснее связывается с кинематографом. Экранизируются их произведения, сами писатели пишут сценарии. В. Маканин вообще начинал как сценарист. Наконец, находят свое выражение и более глубокие связи литературы и кино. Евгений Евтушенко, например, почувствовал необходимость выразить себя в кинематографе уже как режиссер. Его фильм «Детский сад» — это своеобразный протест против канонического кинематографа. Я не сторонник точки зрения, что фильмы должны делать только профессионалы. В искусстве все же важнее всего не профессия, а степень одаренности. По ней и должен

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Секретариат правления СП СССР направил приветствия Голицыну Сергею Михайловичу, Штурману Матвею Моисеевичу, Вышеславскому Леониду Николаевичу, Гайдаенко Ивану Петровичу, Борисову Михаилу Федоровичу, Велюгину Анатолию Степановичу, Савицкому Александру Ануфриевичу, Преловскому Анатолию Васильевичу.

С. М. ГОЛИЦЫНУ — 75 лет

«Ваша творческая жизнь, Ваш литературный талант безраздельно отданы юному поколению. Молодые герои Ваших произведений — люди, неустанно ищущие, полные романтических замыслов и мечтаний.

Ваши произведения, проникнутые поэзией открытий, горячо любимы нашими ребятами. В круг чтения юных граждан прочно вошли Ваши книги «Сорок изыскателей», «За березовыми книгами», «Городок сорванцов», «Солнечная палитра», «Сказания о белых камнях», «Тайна старого Радуля», «Слово о мудром мастере» и другие.

В годы Великой Отечественной войны Вы были среди мужественных защитников Родины. Вы награждены орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

М. М. ШТУРМАНУ — 75 лет

«За годы, прошедшие с момента выхода первой поэтической книги «В высоких корпусах» (1930 г.), Вами создан ряд талантливых сборников. Среди них «Стихи», «Хвала народу», «Любовь и труд», «Земля и солнце», в которых Вы вдохновенно воспеваете людей труда, героику Великой Отечественной войны, дружбу и братство между народами.

Плодотворно работаете Вы и как переводчик произведений поэтов народов СССР на еврейский язык. Особенно много сделали Вы для пропаганды классической и современной русской и украинской поэзии. В частности, Вы перевели произведения Т. Г. Шевчен-

ния СП Украины, членом парткома Киевской писательской организации.

Ваши фронтовые заслуги и успехи в области литературы отмечены высокими государственными наградами».

И. П. ГАЙДАЕНКО — 70 лет

«После окончания Одесского мореходного училища (1932 г.) Вы начали свою трудовую деятельность матросом на корабле дальнего плавания, стали штурманом, сочетая эту работу с выступлениями на страницах газет и журналов. Во время гражданской войны в Испании Вы плавали на теплоходе «Комсо-

мол». В годы Великой Отечественной войны служили в действующем Черноморском флоте и на кораблях Волжской флотилии, а после войны включились в журналистскую и писательскую работу.

Вами созданы талантливые очерки, рассказы, повести, романы, пьесы, посвященные актуальным темам, жизни и труду советских людей. Особенно широкой популярностью пользуются Ваши книги «Два берега», «За далью морской», «Капитаны не знают покоя» (в соавторстве с И. Рядченко), «Моя бригантина», «Санта-Мария», «Друзья и недруги». В них воспеваются славные традиции черноморцев, героизм, проявленный ими в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, борьба советских людей за мир. Читателями и критикой тепло встречены Ваши публицистические произведения, в которых Вы делитесь впечатлениями о поездках в различные страны, разоблачаете поджигателей новой войны, антинародную сущность буржуазной демократии.

Писатель - коммунист, Вы принимаете активное участие в общественной деятельности в Одесской писательской организации, которую возглавляли в течение многих лет, в Союзе писателей Украины и в СП СССР. Большую плодотворную работу ведете Вы как председатель Одесского областного комитета защиты мира».

М. Ф. БОРИСОВУ —

нашего современника, его высокий патриотизм, чистота чувств, помыслов, душевных устремлений. Высоко оценен Ваш вклад в советскую Лениниану. За поэму «Ветер с Волги» Вы удостоены литературной премии имени Янки Купалы. Сказали Вы свое веское слово и в области кинодраматургии. По Вашим сценариям снят двухсерийный художественный фильм «Эхо в пуще» и создано более сорока документальных лент, а за киносценарий «Генерал Пуща» Вам присуждена Государственная премия БССР.

Много сделано Вами и в области художественного перевода. Вы подарили белорусскому читателю на его родном языке произведения Лермонтова, Тувима, Межелайтиса, Нагнибеды и других писателей».

А. А. САВИЦКОМУ — 60 лет

«С неоценимым багажом жизненных знаний пришли Вы в литературу в конце сороковых годов. За плечами у Вас были трудные дороги Великой Отечественной войны, которые Вы прошли мужественно и честно: были командиром подрывной группы в партизанской бригаде, участвовали в освобождении братской Польши, в боях за взятие Берлина. Затем были годы учебы, работа в издательстве, Литературном музее имени Якуба Коласа, в аппарате ЦК КП Белоруссии.

Вашему перу принадлежит ряд романов и повестей, в которых Вы воспели самоотверженный труд рабочего человека и беспримерный подвиг

...утрата представления о долге, трудовой и нравственной дисциплине. Отсюда и вся система неточных браков, и огромное число разводов. И вот получается, что человеческое «я», требующее своего самоосвобождения, оказывается направленным не на созидание, не на общественно полезное, а на разного рода чепуху. Нет ничего более нелепого, чем созерцание в ресторанах под оглушительный рев джаза толп в экстазе прыгающих (якобы танцующих) молодых и не очень молодых людей. К сожалению, люди с высшим образованием здесь ничем не отличаются от людей, такового не имеющих. Разве что могут выше прыгнуть или теоретически еще и обосновать, что прыгать надо именно так, а не иначе, дабы вписаться в современный дизайн и кайф.

Отчего это происходит? От малой гуманитарной образованности? От дефицита духовности? Прежде всего—от утраты вкуса. Не надо рассматривать вкус только как признак внешней моды, которая раздражает одного и импонирует другому. За вкусом обычно представляют что-то в масштабах прически или запаха одеколона.

Но вкус — гораздо более широкое понятие, если рассматривать его как социальную категорию. Вкус—это проявление мировоззрения, отношение к жизни, показатель образованности, воспитанности, ума. Часто приходится слышать: «Вам нравится заумная литература, Шекспир, Достоевский, например. А мне — развлекательная. Вам — Бетховен, а мне — то, подо что можно потанцевать. У нас просто разные вкусы, а о вкусах не спорят».

О вкусах не спорят?! Вот уж поистине заблуждение! Именно о вкусах-то и спорят! И спорили с самого начала цивилизации...

Вкусы, безусловно, бывают разные. А вот безвкусица, по сути дела, едина и с трудом поддается дифференциации. Настоящий вкус вырабатывается всю жизнь. Вкусу надо учиться у великих мыслителей и художников. Сохранять же во что бы то ни стало свою точку зрения, пусть отсталую, пусть бедную, пусть убогую, но зато **свою** — мелкобуржуазная привилегия.

У Толстого в «Войне и мире» есть такая сцена. Заканчивается званый вечер у Бергов. Супруги довольны. Еще бы: «вечер был очень хорош и совершенно такой, как и другие вечера... Все было похоже. И дамские, тонкие разговоры, и карты, и за картами генерал, возвышающий голос, и самовар, и печенье...» Трудно сказать, откуда берутся мещане. Вот и в здоровой, симпатичной семье Ростовых наряду с Наташей, Петей была и такая ветвь — начинающееся мещанство, которое так бесило Толстого.

Чтоб было как у людей! Это сейчас почему-то опять активно принято на вооружение. А ведь, казалось бы, наша жизнь давно стерла, разоблачила эти критерии. Возвращаясь к Толстому, хочется напомнить, что в круг его представлений о добре и зле мещанство входило как априорное зло, как унижение человека до жалкого прожиточного минимума.

КАК-ТО раз наше телевидение организовало в Останкине мою встречу со зрителями. Мне задали вопрос, что я считаю самым главным в человеке. И не задумываясь ответил — ум. Ответ вызвал замешательство в зале, все опешили. Как? Не доброту? Не отзывчивость? Не скромность? Не честность?

Я глубоко убежден, что и доброта, и отзывчивость, и скромность, и честность— производные от развитого ума, им порождаются и им контролируются. Ум — величайший ограничитель человеческих страстей. Прекрасный писатель Василь Быков убедительно показал в своем творчестве, что в условиях войны человек даже на смерть идет от ума. Жертвенность, героизм, — все это от развитого интеллекта и от сознания, подвиг — это исполнение человеком его человеческого долга перед собой и перед людьми. А откуда же осознание своего долга, как не от ума? Тут и гуманитарная образованность очень большую роль играет. Лариса Шепитько в своей талантливой экранизации «Сотникова» тоже на этом сделала акцент.

НЕДАВНО мне довелось посмотреть прекрасную картину украинского производства по сценарию Р. Григорьевой об академике Вернадском. Как огромен был круг интересов у этого человека, как они поразительно у него сцеплялись и выстраивались в одну генеральную линию! Вернадский был одним из создателей грандиозного понятия ноосферы (которое составители нового Советского Энциклопедического Словаря почему-то не сочли нужным в него включить). Коллективный ум человечества представляет собой не только созидающую, но и контролирующую сферу. Ноосфера — это общественное сознание мира, которое регулирует соотношение прогресса и катастрофы. Ноосфера — это сфера ума, которая как творческая и охранительная среда находится над биосферой и как бы опоясывает ее.

Понятие Вернадского все больше и больше входит в нашу жизнь и в литературу. Борьба миллиардов людей на земле за сохранение мира есть самое прямое свидетельство ноосферы. Достаточно вспомнить английских женщин, патрулирующих подходы к базам американских ракет. В космической линии романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок» понятие ноосферы нашло свое отражение в паритетном сотрудничестве двух великих держав как осуществлении надежды человечества.

Я САМЫМ наилучшим образом отношусь к творчеству Ч. Айтматова. Что привлекает меня в этом писателе? Привлекает ум. Природа наделила его очень обширным умом. А ум в современной литературе — это все-таки главная ценность. Ум, а не всякого рода эмоциональные приспособления, более или менее аффектные, на что еще порой бывает падок современный читатель. Русская литература никогда не строилась на внешних эффектах, на всех этих мелодраматических ухищрениях, в основе нашей литературы всегда лежали правдивость и глубина идеи и образа.

Почему велик Шолохов? Почему он потряс общество, даже враждебное нам? Потому что его герои диалектичны по самой своей природе. Было время, когда это вызывало даже и у нас известное раздражение. «Тихий Дон» я хотел поставить еще в конце 30-х годов. Меня тогда всячески отговаривали: зачем, дескать, нам нужна столь подробная история жизни гамлетианствующего казачка? А ведь речь шла о диалектике времени, о характерах великой эпохи. Именно этим был силен и нов Шолохов.

Конечно, Григорий Мелехов в каноническом смысле понятия не герой. Он не укладывается ни в какой ранжир, он пролил немало крови своих братьев. Тем не менее жажда истины и стремление найти свое место в жизни если не оправдывают его, то во всяком случае открывают истинную картину века. Они открывают все то, что нужно знать, чтобы жить на этом свете, понимая его. Роман Шолохова тем и велик, что он рассказал правду о той немыслимой, но и грандиозной эпохе, с которой начался новый счет времени.

А правда истории лучше всего воспитывает людей. Как и всякая правда.

КОГДА-ТО авторитеты для ребенка начинались в семье. Теперь воспитание человека в основном происходит в школе. Колоссальную роль в этом плане играют литература и история.

Литература вошла в школы сразу, как только человечество их создало. Она слишком большое явление в человеческой цивилизации, чтобы оставаться в стороне от общеобразовательного и воспитательного процесса. В школах античности она имела характер первостепенного, категорического влияния. Потом ее преподаванию стали придаваться все более и более шаблонные канцелярские формы, и в результате она заняла более чем скромное место в ряду других дисциплин.

В нынешней реформе школы, которую мы все так долго ждали, представляется, что главные изменения должны затронуть именно литературу. Выше всех других должна быть поднята роль учителя нашей родной словесности. Ибо именно от него в наибольшей степени зависит нравственно-эстетическое воспитание ребенка, подростка, человека-созидателя. Вспомним, сколько современных наших писателей признавались в том, что первостепенную роль в их жизни сыграл именно учитель литературы. И не только литературы. Вспомним, какое воздействие на юного Пушкина в Лицее, на формирование гражданских, этических и эстетических представлений оказал Куницын, профессор нравственных наук.

Русская литература бесконечно богата. Мы даже не представляем, сколько она таит в себе сокровищ. Читаем только первый ряд имен, ну, второй. А третий? Четвертый? Да ведь там такие писатели в этом нашем четвертом ряду, что, пожалуй, не одна иная национальная литература могла бы нам позавидовать! А мы и великих знаем недостаточно. Спроси кого хочешь, что он любит у Толстого, — скажет: «Войну и мир», «Анну Каренину», и то неизвестно: он их прочитал или в кино посмотрел. А вот Альберт Эйнштейн сказал, что во всей мировой классике его самая любимая вещь — рассказ Толстого «Много ли человеку земли нужно». А многие ли его читали, этот рассказ, многие ли помнят, о чем он?

Скажут, времени нет еще и такие мелочи читать. А вот совсем и не мелочи. Это, пожалуй, наиболее программное произведение Л. Н. Толстого. Там поставлен главный философский вопрос. Вопрос о жизни и смерти. А кроме того, затронуто еще и глубокое социальное явление, которое мы сейчас частенько наблюдаем. Потребность лишнего. Когда человек нуждается, с точки зрения прагматика, в «лишнем» — то есть в музыке, чтении, умной беседе, — это говорит о его высоком социальном вкусе. А когда ему потребно бесконечное накопление предметов, да еще все большей стоимости, то это начало всяческого безобразия...

Комфорт как основная мера благоденствия. Хорошо это или плохо? Во всяком случае все к нему в домашнем обиходе журналов и замечаю, что публицистика, литературоведение теперь порой бывают ярче представлены, чем поэзия и проза.

«Новый мир» у нас по-прежнему журнал-лидер, он больше других печатает то, что ближе всего стоит к первой полке.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ наших писателей все теснее связывается с кинематографом. Экранизируются их произведения, сами писатели пишут сценарии. В. Маканин вообще начинал как сценарист. Наконец, находят свое выражение и более глубокие связи литературы и кино. Евгений Евтушенко, например, почувствовал необходимость выразить себя в кинематографе уже как режиссер. Его фильм «Детский сад» — это своеобразный протест против канонического кинематографа. Я не сторонник точки зрения, что фильмы должны делать только профессионалы. В искусстве все же важнее всего не профессия, а степень одаренности. По ней и должен идти счет. Если одаренность велика, она проявит себя во многом. И пусть с неизбежными издержками, но обнаружит силу образного выражения, мысль. Разумеется, это дорога не для каждого. Но ведь в конце концов в истории мирового искусства сколько было великих неожиданностей! И если такой одаренный человек, как Евтушенко, имеющий искреннюю и глубокую гражданскую позицию, почувствовав потребность, имел возможность сделать фильм,— то это, на мой взгляд, имеет право на жизнь.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ мне хочется сказать вот что. Я не могу считать каждый новый возрастной этап поводом для ревизии прежних своих позиций. В нашей советской истории, которой сейчас более шестидесяти лет, были разные периоды, разные эпохи. Вглядываясь в прожитое, видишь всю драматичность нашей общей судьбы, но прежде всего испытываешь к ней великое уважение. Охать же и сетовать—ах, не то делали, ах, не туда шли — и стыдно, и смешно. Этого от меня не дождутся ни враги, ни друзья. Для этого я слишком уважаю свою биографию и биографию своей страны и имею для этого все основания.

Мы с женой вступили в партию в осажденном Ленинграде. Это был своеобразный протест против фашизма. Сейчас, по прошествии более чем сорока лет, я не только не отревизовал бы это решение, наоборот — укрепил бы его. Мне страстно хочется в своей системе отношений с новым поколением донести это до сознания каждого. Сейчас нет места выбору. История убедительно доказывает, что единственный реальный путь спасения—не нации уже, не поколения, а всей планеты — это путь коммунизма.

Против нас ведется оголтелая, сатанинская пропаганда. Жонглируют пошлыми квазиистинами, всякого рода шелухой — и словесной, и идейной. При обширности нынешних коммуникаций это может пагубно влиять на сознание современного поколения. И тут надо всеми средствами разъяснять, что с точки зрения истории все это злоумышленное надувательство, что альтернативы коммунизму не существует.

Мною прожита длинная жизнь, но все же остается ощущение, что сказано еще не все, что должно сказать своим делом. Хочется еще найти и представить людям те неодолимой убедительности аргументы, которые помогли бы им разобраться в себе и окружающем и найти силы противостоять катастрофе, нависшей над землей.

СОДРУЖЕСТВО

Телеграмма из Череповца, адресованная секретариату правления Московской писательской организации, гласила, что писателю Николаю Воронову за многолетнюю верность рабочей теме, за создание образов современников, занятых созидательным трудом, присуждена премия «Северянка».

Крупнейшую в мире доменную печь сооружает коллектив объединения «Череповецметаллургхимстрой», который связывает договор о творческом содружестве с комиссией «Человек труда в современной прозе» при Московской писательской организации, издательством «Советский писатель» и редакцией журнала «Наш современник».

Торжественно прошел в Череповце вечер, посвященный вручению самой первой в истории содружества литературной премии. Кроме лауреата Н. Воронова, к труженикам города приехали главный редактор журнала «Наш современник» С. Викулов, председатель правления издательства «Советский писатель» В. Еременко, прозаики Н. Арсеньев, Я. Мустафин, Г. Немченко, Н. Падерин. На строительной площадке, где растет домна, названная «Северянкой», столичные писатели — желанные гости. Вот и на этот раз они говорили о своем творчестве, знакомились с людьми, собирали материал для будущей книги об участниках строительства уникального объекта черной металлургии.

Вручая премию, начальник Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой» Н. Лущенко подчеркнул, что содружество строителей с работниками литературы служит одному большому общему делу — дальнейшему развитию гражданского самосознания, нравственного, духовного роста советских людей.

с момента выхода первой поэтической книги «В высоких корпусах» (1930 г.), Вами создан ряд талантливых сборников. Среди них «Стихи», «Хвала народу», «Любовь и труд», «Земля и солнце», в которых Вы вдохновенно воспеваете людей труда, героику Великой Отечественной войны, дружбу и братство между народами.

Плодотворно работаете Вы и как переводчик произведений поэтов народов СССР на еврейский язык. Особенно много сделали Вы для пропаганды классической и современной русской и украинской поэзии. В частности, Вы перевели произведения Т. Г. Шевченко, П. Тычины, М. Рыльского, В. Сосюры, М. Бажана. В свою очередь лучшие Ваши произведения переведены на русский и другие языки народов СССР.

Мы рады, что Вы, ветеран партии и ветеран труда, встретили свой юбилей новыми произведениями».

Л. Н. ВЫШЕСЛАВСКОМУ — 70 лет

«Около пятидесяти лет плодотворно трудитесь Вы на ниве советской поэзии, более сорока книг стихов, литературно-критических работ (в частности, две книги о В. В. Маяковском) и книг для детей создано Вами.

Ваши поэтические сборники «Простор», «Звездные сонеты», «Разнолетье», «Сонеты и баллады», «Садовник», «Глоток времени», «Чудовиденье», «Лоно», «Основа», «Река», «За голубым кордоном тишины», «Звездные сонеты и земные строфы», «Сковородиновский круг», «Избранное», «Близкая звезда» и многие другие посвящены актуальным проблемам современности, ратным и трудовым подвигам советских людей, борьбе за мир, дружбе и братству народов. Они заслуженно пользуются широкой популярностью у читателей, получили высокую оценку таких мастеров литературы, как М. Рыльский, К. Чуковский, Л. Мартынов, П. Тычина и другие, а первый космонавт мира Ю. А. Гагарин написал предисловие к Вашему сборнику «Звездные сонеты». Вашему перу принадлежит ряд интересных книг для детей. Мы знаем и высоко ценим Вас и как талантливого переводчика, в том числе стихов Т. Г. Шевченко. В свою очередь лучшие Ваши произведения переведены на украинский и другие языки народов СССР и зарубежных стран.

Много сил и энергии отдаете Вы общественной деятельности — длительное время Вы были главным редактором журнала «Радуга», в настоящее время являетесь членом правления СП СССР, членом президиума правле-

ческие произведения, в которых Вы делитесь впечатлениями о поездках в различные страны, разоблачаете поджигателей новой войны, антинародную сущность буржуазной демократии.

Писатель - коммунист, Вы принимаете активное участие в общественной деятельности в Одесской писательской организации, которую возглавляли в течение многих лет, в Союзе писателей Украины и в СП СССР. Большую плодотворную работу ведете Вы как председатель Одесского областного комитета защиты мира».

М. Ф. БОРИСОВУ — 60 лет

«В июле 1943 года на перепаханном танками поле под Прохоровкой комсорг артдивизиона сержант Борисов огнем своего орудия сжег 7 «тигров», за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

Уже этого достаточно, чтобы заслужить глубокое уважение литераторов. Но подвигом является вся Ваша фронтовая биография, которая началась 27 июня 1941 года, когда семнадцатилетний алтайский мальчишка со школьной скамьи ушел воевать. Керчь, Серафимовичи, Сталинград, Днепр, Варшава — «этапы большого пути» поэта-фронтовика. Этот путь закончился для Вас в Берлине. 9 мая 1945 года младший лейтенант Михаил Борисов расписался на обугленной колонне рейхстага. Четырьмя орденами и многими медалями отметила Вас Родина.

В 1965 году вышел Ваш первый поэтический сборник — «Верность». А три года спустя Вы снова надели шинель, стали военным журналистом и расстались с армией только в 1980 году, когда в звании полковника ушли в отставку.

Вы являетесь автором шести поэтических книг, одна из которых, «Эхо на рассвете», отмечена дипломом министра обороны СССР».

А. С. ВЕЛЮГИНУ — 60 лет

«Вы пришли в литературу сорок пять лет назад юным студентом. Затем были годы Великой Отечественной войны, в которой Вы принимали самое активное участие, работа в периодической печати, и вот уже более тридцати лет Вы возглавляете отдел поэзии в журнале «Полымя», отдавая много сил и энергии воспитанию молодой литературной смены.

Ваше творчество, индивидуальное по своей манере, интернациональное по смыслу и пафосу, обогатило белорусскую поэзию новыми образами и открытиями. В нем ярко предстает духовный мир

пришли Вы в литературу в конце сороковых годов. За плечами у Вас были трудные дороги Великой Отечественной войны, которые Вы прошли мужественно и честно: были командиром подрывной группы в партизанской бригаде, участвовали в освобождении братской Польши, в боях за взятие Берлина. Затем были годы учебы, работа в издательстве, Литературном музее имени Якуба Коласа, в аппарате ЦК КП Белоруссии.

Вашему перу принадлежит ряд романов и повестей, в которых Вы воспели самоотверженный труд рабочего человека и беспримерный подвиг советского народа в годы военного лихолетья. Эти книги служат благородному делу воспитания подрастающего поколения в духе преданности коммунистическим идеалам. За повесть «Самый высокий этаж» Вам присуждена премия Ленинского комсомола Белоруссии».

А. В. ПРЕЛОВСКОМУ — 50 лет

«Ваши первые стихи появились в печати тридцать лет назад и сразу привлекли к себе внимание читателей и критики, были замечены и поддержаны Я. Смеляковым и Вс. Ивановым.

Ваши стихи, поэмы, книги пронизаны животворным чувством любви к Отчизне, родному народу. Они утверждают красоту нашего современника, возвышают наши идеалы, наши устремления в будущее, помогают более полному осознанию нашей истории.

Ваша работа над сводом поэм «Вековая дорога», продолжая традиции русской поэзии крупномасштабных форм в духе В. Луговского, А. Твардовского, В. Федорова, заслуженно снискала искреннюю признательность читателей.

Мы также высоко ценим Вашу благородную деятельность по укреплению связей и взаимообогащению наших братских социалистических народов и литератур. Ваш вклад в воспитание молодых литераторов. Нас всегда радовали и радуют Ваша собранность, трудолюбие, строгость к слогу и стилю, которые, что особо хочется подчеркнуть, счастливо сочетаются в Вас с доброжелательством, с готовностью всегда помочь товарищу.

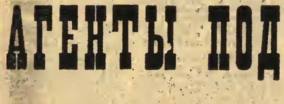
Родина по достоинству оценила Ваши заслуги. Вы удостоены звания лауреата Государственной премии СССР, лауреата премии имени Н. Островского и премии СП СССР».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ТЕАТР

АГЕНТЫ ПОД УВЕЛИЧИВАЮЩИМ СТЕКЛОМ

О. ПРУДКОВ

НЕ СКРОЮ, что в первые минуты на новом спектакле Театра имени Вл. Маяковского «Агент 00», поставленном Андреем Гончаровым по пьесе Генриха Боровика, у меня возникло немало недоуменных вопросов. Правильно ли до такой степени оглуплять далеко не глупых в жизни агентов спецслужб? Нужно ли так пародировать серьезнейшие проблемы войны и мира? Гротеск разит беспощадно, когда это происходит, например, у Гойи в серии «Бедствия войны». Но можно ли на трагическом материале создать почти эстрадный аттракцион, или, как называет его сам автор, «шоу-буфф»?

Оказывается, можно. Идет спектакль, и все эти вопросы как-то постепенно снимаются. Собственно говоря, ведь и занимательного сюжета в пьесе нет, а вот поди ж — смотрится, и смотрится с нарастающим интересом. Первоначальная настороженность уходит, и ты принимаешь те условия игры, которые предложены драматургом и театром. И когда во втором акте видишь на сцене воображаемую игру в пинг-понг, то уже не задаешься во-

сошел со страниц газеты. Маленький человек, коммивояжер по профессии, попадает в лапы политических провокаторов и становится «агентом 00». Он должен указать путь к вождю некоего таинственного доисторического племени, не тронутого цивилизацией. На самом же деле этого племени не существует, а вождь — бывший американский солдат во Вьетнаме, скрывшийся от подлости и алчности сильных буржуазного мира.

Но ведь тысячи таких людей и на самом деле сбежали в леса США, Канады и Аляски. Людей с «вьетнамским синдромом». Они превращаются в отшельников, живут вдали от цивилизации, испытывают трудности и лишения, лишь бы уйти от действительности.

А какими методами действуют американские «цивилизаторы», мечтающие покорить все народы от Гибралтара до Пешавара? Послушаем «мадам».

— Что делаем мы? Вводим их в наше время. Минув тысячелетия, сталкивая лицом к лицу с сегодняшним миром. Со всем его социальным многообразием. Объясняем: вот вам Запад, вот Восток. Вот свободный мир, вот не свободный. Не усложняем. Описываем постепенно, в общих чертах. У них — плохо, у нас — хорошо. Предлагаем: выбирайте...

Я вспоминаю в связи с этим одно откровенное заявление посла США в Никарагуа. Он сказал: «Они (никарагуанцы) сами во всем виноваты. Дело в том, что они неправильно живут. Недемократично. У них, например, нет свободных выборов».

Эта поразительная по цинизму фраза почти дословно есть и в спектакле.

вающее стекло. Под этим увеличивающим стеклом мы видим политических проходимцев из секретных спецслужб, готовых ради собственного благополучия «взорвать к лешему» весь земной шар...

Поставлен спектакль легко и задорно. Но фейерверк острот и эстрадных приемов не заслоняет глубокого смысла представления. Шутовство обличает зло. Серия политических проходимцев — специальный помощник (И. Охлупин), Перзам (В. Варганов), Вторзам (Б. Левинсон), Начтех (Г. Горбачев), Джули (Т. Муха) — подобна маскам из комедии dell'arte, но, надо сказать, довольно страшноватеньким и омерзительным («А знаете ли вы, сколько раз мы можем уничтожить земной шар?»). Именно один из них — профессиональный организатор политических переворотов — нажимает на некую кнопку из стеклянного ящичка («Нажмем на кнопку, начнем бомбить, а все нас сразу начнут любить»). Так ведь может случиться и в действительности.

«Агент 00».
«Мадам» — Н. Гундарева.
Фото Г. ЦИТРИНЯКА

В центре внимания зрителей — Наталья Гундарева, играющая «мадам». Она прекрасно поет и танцует — это от-

цетворением вьетнамской трагедии, символом ненависти к войне. С помощью этих героев автор ведет разговор о том, что сейчас тревожит мир, о схватке между жизнью и смертью. На сцене конец света не наступил. Так рассудил театр. Но как рассудит жизнь? Удастся ли предотвратить катастрофу, уберечь планету от ядерных маньяков, готовых нажать на «кнопку из стеклянного ящика»?

ВЕСНА этого года богата спектаклями на международную тему, посвященными проблемам мира и войны, борьбе человека за лучшее будущее. Они продолжают прекрасные традиции советского театра, заложенные в пьесах Евгения Петрова, Константина Симонова, Леонида Леонова, Бориса Лавренева.

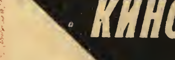
Известный афоризм, что все жанры хороши, кроме скучного, вполне применим к нынешним постановкам. Успех политического памфлета Г. Боровика соседствует с удачей Театра имени Ермоловой, создавшего спектакль по драме Василия Чичкова «Этот странный русский» (режиссер Владимир Андреев), и удачей московского Нового театра, порадовавшего нас постановкой по пьесе Георгия Зубкова «Монолог на городской площади» (режиссер С. Врагова). В. Чичков и Г. Зубков — тоже известные журналисты-международники, прекрасно ориентирующиеся в лабиринтах западного мира.

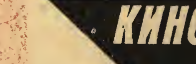
Действие спектакля Театра имени Ермоловой разворачивается в одной из латиноамериканских стран в дни фашистского путча. Тяжело ранен главарь хунты. И вот перед советским врачом, убедительно сыгранным самим В. Андреевым, встает проблема нравственного выбора: участвовать или не участвовать в хирургической операции? Он спасает жизнь главаря хунты. Но погибает сам в автомобильной катастрофе, подстроенной фашистами. У тех нет ничего святого. Их совесть мертва. И только один из них, непреклонный капитан Берланга (А. Шейнин), пораженный благородством русского врача, задумался о происшедшем, колеблется, готов ему помочь, но в конечном счете предает. В драматически напряженном представлении хочется отметить неувядаемое мастерство В. Якута в

знаток дел человеческих, но не выставляет напоказ свою мудрость и опыт. Да, с удовольствием следишь за превосходной игрой одного из старейших мастеров советского театра. И все же совершенно невозможно избавиться от ощущения похожести этого судьи на того, что создал в американском фильме Спенсер Трэси.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что постановка Театра имени Моссовета, в сущности, является талантливым воспроизведением фильма Стэнли Креймера. Образ адвоката Рольфе выразительно рисует Г. Тараторкин. Родись раньше, тот, подобно главному обвиняемому — юристу Эрнсту Яннингу, одобрил бы злодеяния Гитлера. Но тут же вспоминается в роли Рольфе Максимилиан Шелл. А М. Зимин — Эрнст Яннинг не только внешне напоминает Берта Ланкастера. Впрочем, я вовсе не хочу осуждать театр за это сходство. В данном случае вряд ли нужно было искать модерновые эффекты и решения, которые чем чуднее, тем якобы привлекательнее. Ценность спектакля в еще одном напоминании о смертельной опасности фашизма. «Такие фильмы должны выходить каждый год», — подчеркивал еще двадцать с лишним лет назад в своем интервью Ричард Уиндмарк — исполнитель роли американского прокурора (в спектакле его с блеском сыграл Г. Жженов). Америка не имеет права забывать о делах немецкого фашизма, продолжал он, потому что иначе «это может повториться снова».

Не только Америка, но и все мы не должны забывать прошлое. В частности, те поколения, которые знают историю по книгам. Не забывать прошлое и точно оценивать настоящее. В этом — главный смысл «Суда над судьями» и других политических спектаклей весны-84, показавших думы и тревоги сегодняшнего дня нашей планеты.

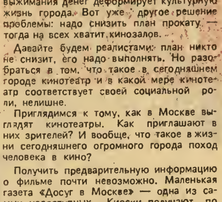

КИНО

Александр МИТТА,
кинорежиссер

ФИЛЬМ КАК ПРАЗДНИК

В КОНЦЕ января на московских киноэкранах случилось «происшествие, которого никто не заметил». В девяти кинотеатрах на две недели вышел новый фантастический фильм «Сказка странствий». Потом показ сократился до трех-четырех, изредка пяти кинотеатров. Так и доживает фильм свою тихую недолгую жизнь, по сути не родившись на экране. Ничего особенного в этом, на первый взгляд, и нет. Так, на короткий миг, неярко вспыхивают теперь многие фильмы. Но в Москве полторы сотни кинотеатров. И «Сказку странствий» не назовешь трудным фильмом. Эту праздничную по замыслу картину, международную кинопродукцию трех стран — нашей, Чехословакии и Румынии, мы старались насытить приключениями и сказочными эффектами, надеялись, что она будет интересна и взрослым, и детям. Однако с достоинством предстать перед москвичами «Сказка странствий» не смогла. Может быть, просто фильмы один другого ярче теснятся, расталкивая друг друга? Но нет, зрители не штурмуют кинотеатры.

В городском прокате, куда режиссер обратился с вопросом, ответили коротко: «Не пошел фильм у зрителя». «Позвольте, — удивился режиссер. — Но ведь эта цифра — две недели в девяти кинотеатрах при наличии, вспомним, ста пятидесяти — не спонтанно родилась. Ее же кто-то спланировал заранее. Ведь за два месяца до показа вы утвердили план проката». В прокате согласились с тем, что в данном конкретном случае были допущены некоторые недоработки. Можно поправить положение. Врагов и недоброжелателей у фильма нет.

Вот как быстро мы выяснили сложную проблему: оказывается, у нас есть просто нерадивые прокатчики. Выявить плохих, поменять на хороших. Ах, если бы это было так! И статей писать не надо.

Прокатчики — люди серьезные. И свое дело любят, и к нам, художникам, относятся с уважением, а кто заслужил — к тем и с любовью. Но у проката есть план. А план — это закон. Кинотеатры добывают живые деньги, нужные в обороте сейчас же. И когда план горит, главным становится — выполнить его любой ценой. А цена та же — «Сказка странствий». Я называю ее не из желания выглядеть обиженным. Да и не обижен я, а хочу всерьез разобраться в сложной проблеме. Просто не хочется упоминать другие фильмы, потому что иные из моих коллег-режиссеров не любят, когда хоть какая-то тень неудач омрачает их судьбу, и предпочитают выглядеть так, как будто все в порядке, даже если это не так.

Так вот, о плане. Его надо выполнить. Сегодня Челентано, завтра Пьер Ришар — всегда найдется какой-нибудь спаситель плана. И я с помощью проката уступаю поле борьбы. Прокатчики, испытывая ко мне личную симпатию, вычеркивают мой фильм из уже сверстанного плана и вписывают туда: «30 — «Челентано». Мы вместе, заметьте, представлены в плане по номенклатуре. Только мой фильм мерцает где-то, а другой гуляет по паркету у всех на виду.

Значит, проблема в том, что у проката завышены планы? Выходит, что тактика выжимания денег деформирует культурную жизнь города. Вот уже другое решение проблемы: надо снизить план прокату — тогда на всех хватит кинозалов.

Давайте будем реалистами: план никто не снизит, его надо выполнять. Но разобраться в том, что такое в сегодняшнем городе кинотеатр и в какой мере кинотеатр соответствует своей социальной роли, нелишне.

Приглядимся к тому, как в Москве выглядят кинотеатры. Как приглашают в них зрителей? И вообще, что такое в жизни сегодняшнего огромного города поход человека в кино?

Получить предварительную информацию о фильме почти невозможно. Маленькая газета «Досуг в Москве» — одна из самых недоступных. Киоски получают по 5—10 экземпляров. Они разлетаются вмиг. Но и в этой газете вы можете узнать только название фильма. Ничего о его создателях, никакой, хотя бы самой краткой аннотации его жанра, содержания. А ведь в Москве, помимо москвичей, ежедневно сотни и сотни тысяч приезжих хотели бы получить информацию о досуге, чтобы выбрать себе развлечение по вкусу. Развлечение. Вот мы и добрались до слова, которое в этой статье является ключевым.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ в сегодняшнем многомиллионном городе — проблема большой социальной важности. Днем, когда люди работают, их труд спланирован на десятках тысяч разнообразных предприятий. На миллионах разнообразных рабочих мест или в тысячах учебных аудиторий. О том, как лучше работать, мы думаем много. А вечером, когда надо снять стресс трудового дня, отдохнуть и накопить сил для завтрашней работы, к услугам москвичей, во-первых, телевизор, во-вторых, кинотеатры. Театры сейчас такой дефицит, их так немного по сравнению с растущей потребностью, что поход в хороший театр — это экстрасобытие. Нет, телевизор внутри дома или кино снаружи — вот альтернатива отдыха. Но, скажите честно, разве сегодня посещение кино — это праздник? Разве вокруг кинотеатров создана атмосфера праздничного отдыха, привлекательного развлечения? Мне довелось видеть кинотеатры большого количества городов в разных странах, на разных континентах. Почти всюду кинотеатр манит тебя издалека огромными красочными рекламными стендами, крупными, броско написанными названиями. Мигают электрические лампочки, меняются цвета прожекторов. Вас зовут на праздник. И это действует на

Вот, оказывается, какое простое решение: развесить мигающие фонарики, настроить вокруг кинотеатров пивные бары и закусочные. Народ повалит в кинозалы. Увы... Позвать сегодня человека в кино не так просто, как раньше. Прокатывать фильмы стало заметно труднее.

Прокат — это неудачное слово. Мне оно не нравится, потому что не выражает сути явления. Фильмы не прокатываются, они живут. Жизнь у них короткая — несколько месяцев, иногда несколько недель. Потом они доживают. Главным событием в короткой жизни фильма является, как правило, его первая встреча со зрителем. Для того чтобы встреча с фильмом стала праздником, нужна атмосфера событийности. Человеку приятно сознавать, что он присутствует при исключительном культурном событии. Это обостряет ощущение жизни, важности сегодняшнего дня. Когда зритель знает, что ему предстоит посмотреть фильм, который только что появился, о котором уже столько спорят, в котором его ждут встречи с любимыми артистами, только что сыгравшими свои лучшие роли, такое событие способно окрасить радостью весь трудовой день. Помножьте такой день на миллионы — это уже чрезвычайно важное социальное явление.

Телевидение, на мой взгляд, — лучшая из возможных форм привлечения зрительского внимания к тому новому, что появляется на киноэкране. Разнообразию наших фильмов должно соответствовать разнообразие форм их подачи зрителям. Это не проблема кинорекламы. Это вопрос духовного и идейного климата времени.

Такая популярная телевизионная передача, как «Кинопанорама», по-моему, не использует всех своих возможностей для того, чтобы создать вокруг нового фильма атмосферу события. Слишком много беглых репортажей, где все фильмы выглядят на одно лицо, и мало живых дискуссий о явлениях экрана. А ведь крайне необходим в такой передаче обмен мнениями. В этом отношении интереснее работают местные студии — я видел в Свердловске часовую программу, целиком посвященную новой картине Сергея Соловьева: на экране шла настоящая дискуссия. Такая передача не только привлекает внимание к фильму — она учит людей серьезней относиться к искусству, понимать его язык. Она многократно увеличивает круг зрителей — все хотят посмотреть фильм, о котором говорят.

Надо четко сказать, что сегодня наши фильмы нуждаются в рекламе. Разнообразной, требующей значительно больших затрат. Фильм, помимо всего, — это и товар на рынке потребления. Ни один товар не поступает к потребителю в таком разнообразии, как кинофильмы. Прежде было достаточно дать возможность выбора. Теперь нужно уговаривать, убеждать, увлекать...

СТЕКЛОМ

но говоря, ведь и занимательного сюжета в пьесе нет, а вот поди ж — смотрится, и смотрится с нарастающим интересом. Первоначальная настороженность уходит, и ты принимаешь те условия игры, которые предложены драматургом и театром. И когда во втором акте видишь на сцене воображаемую игру в пинг-понг, то уже не задаешься вопросом: «А это еще зачем?» Она воспринимается как естественная метафора превосходства силы человеческого духа над силой денег, тех самых, о которых участники спектакля поют:

Деньги
шар земной вращают
Как хотят, куда хотят,
Греют, кормят,
защищают,
Если ты богат.

Да, в спектакле, как в классическом водевиле, много поют и много танцуют. Это — зрелище в полном смысле слова. Но вот что примечательно: весь калейдоскоп различных эстрадных сцен — обед в ресторане, где на столе красуется голова «мадам» — главного шефа шпионской конторы «ЧУМА» (Чрезвычайное управление музыкальных аттракционов), чисто клоунский прием с радиотелефоном, вмонтированным в больной зуб технического специалиста, разнообразные интермедии в стиле американских шоу (вплоть до стриптиза) — подчинен одной сквозной теме. Речь идет о смысле жизни, о судьбах людей, об участи маленького человека, барахтающегося в стальных объятиях мегамашины безумного западного мира.

Этим, в сущности, и определяется успех спектакля, талантливой и изобретательной постановки А. Гончарова. За цирковыми ситуациями, разыгрывающимися на сцене, стоят реалии американской жизни и политики. Начиная с сюжета, который как бы

Я вспоминаю в связи с этим одно откровенное заявление посла США в Никарагуа. Он сказал: «Они (никарагуанцы) сами во всем виноваты. Дело в том, что они неправильно живут. Недемократично. У них, например, нет свободных выборов».

Эта поразительная по цинизму фраза почти дословно есть и в спектакле. «Мадам» ее произносит, прежде чем приказать нападать на вождя: «Живут не так; недемократично, выборов свободных у них нет».

Говоря о большой политике, не следует забывать о повседневных, бытовых приметах, которых также немало в спектакле, что прибавляет ему несомненную достоверность. Вот одна из них: «приглашение» малолетней дочери «агента 00» на обычные киносъемки, а на самом деле — для участия в детских порнофильмах. Жестокий штрих американского образа жизни!

«Агент 00» — не первая пьеса одного из наиболее ярких журналистов-международников Генриха Боровика. Сильная сторона его драматургии — глубокое знание предмета исследования. Думается, что жанр, избранный им, подсказан жизнью. Шоу в рекламе, политике, пропаганде — непременная особенность Америки. Именно такое профессиональное шоу с песнями и танцами, воздушными шариками и голенькими ножками; превосходной бутафорией и нечеловеческим гамом. Это не придумано драматургом и не изобретено режиссером А. Гончаровым. В американском образе жизни есть немало театрального, эту его сторону спектакль подчеркивает; предельно обостряет. Умно и зло. Вл. Маяковский писал, что театр не отображающее зеркало, а увеличи-

сколько раз мы можем уничтожить земной шар?»). Именно один из них — профессиональный организатор политических переворотов — нажимает на некую кнопку из стеклянного ящичка («Нажмем на кнопку, начнем бомбить, а все нас сразу начнут любить»). Так ведь может случиться и в действительности.

В центре внимания зрителей — Наталья Гундарева, играющая «мадам». Она прекрасно поет и танцует — это отвечает жанру спектакля. Она обольстительна и в то же время груба, беспощадна — таким предстает «мастер грязных дел», настоящий американский босс. В ее гротесковой игре переплетаются азарт и самоотдача, ирония и серьезность, цинизм и грусть. Да, даже грусть, когда в прощальной речи, за несколько минут до конца света, она обнаруживает, что ни у нее, ни у ее ближайших соратников нет детей... Думается, что Н. Гундарева, хорошо известная актриса, показала нам новые грани своего разностороннего актерского дарования.

Мелодии чаплинских фильмов, использованные в спектакле, сопутствуют «агенту 00» — коммивояжеру Питеру Штукенброку. Владимир Ильин и внешне делает своего героя немножко похожим на Чаплина, маленького человека, изгоя капиталистического общества. Робкая улыбка надежды, затравленность, слеза, дрожащая на глазах, — таков Питер Штукенброк. Попав в руки мнимых «музыкантов» из «ЧУМА», он изо всех сил стремится остаться честным, сохранить человеческое достоинство.

В спектакле впрямую не показаны силы, противостоящие убийцам. Г. Боровик не пользуется «шершавым языком плаката». Судьба столкнула маленького человека Питера Штукенброка с вождем (А. Мартынов), оли-

спасает жизнь главаря хунты. Но погибает сам в автомобильной катастрофе, подстроенной фашистами. У тех нет ничего святого. Их совесть мертва. И только один из них, непреклонный капитан Берланга (А. Шейнин), пораженный благородством русского врача, задумался о происшедшем, колеблется, готов ему помочь, но в конечном счете предает. В драматически напряженном представлении хочется отметить неувядаемое мастерство В. Якута в роли французского врача, в прошлом участника движения Сопротивления.

Поиск неоднозначных характеров и неоднозначных решений ощущается и в постановке московского Нового театра. Отходя от стереотипов, Б. Гусаков изображает Хозяина как человека сильного, жестокого, коварного и в то же время сентиментального. Сюжет этой пьесы почти парадоксален. Чтобы доказать свою правоту, журналист Марио (Н. Попков) принимает яд. Обреченный на смерть, он созывает пресс-конференцию и произносит монолог, обличающий Хозяина и его своекорыстный, враждебный простым людям мирок. В острозмоциональном действии четко очерчены противоборствующие стороны, определено место человека в борьбе за социальную справедливость.

И, наконец, скажу еще об одном спектакле. Это «Суд над судьями» по киноповести американского драматурга Эбби Манна (режиссер П. Хомский) в Театре имени Моссовета. Она хорошо известна советскому зрителю по превосходному фильму Стэнли Креймера «Нюрнбергский процесс».

Как хорош Р. Плятт в роли судьи Дэна Хейвуда! Этот человек не достиг высоких степеней, он служил в американском захолустье. Но он отнюдь не посредственность. Он великолепный

весны-84, показавших думы и тревоги сегодняшнего дня нашей планеты.

по паркету у всех на виду.

Значит, проблема в том, что у проката завышены планы? Выходит, что тактика

АНТРАКТ — Фото В. БОГДАНОВА

ры сейчас такой дефицит, их так немного по сравнению с растущей потребностью, что поход в хороший театр — это экстрасобытие. Нет, телевизор внутри дома или кино снаружи — вот альтернатива отдыха. Но, скажите честно, разве сегодня посещение кино — это праздник? Разве вокруг кинотеатров создана атмосфера праздничного отдыха, привлекательного развлечения? Мне довелось видеть кинотеатры большого количества городов в разных странах, на разных континентах. Почти всюду кинотеатр манит тебя издалека огромными красочными рекламными стендами, крупными, броско написанными названиями. Мигают электрические лампочки, меняются цвета прожекторов. Вас зовут на праздник. И это действует на людей. Иначе на это не тратили бы денег. В кино люди в основном ходят не вместо работы, а после работы. После будничного, привычного хочется попасть в атмосферу праздника. Это освежает, снимает усталость и никогда не помешает восприятию никакой, самой серьезной и драматической картины, потому что встреча с искусством — это всегда праздник. И вот я смотрю на огромные, чернеющие в вечернем небе силуэты новых наших кинотеатров. Тускло поблескивающие безликие афиши, буднично освещенный фасад. «Театр, — говорил Станиславский, — начинается с вешалки». А в кино пальто не снимают. Кинотеатр начинается издали. И он должен манить издали. Социальная роль кинотеатров, между прочим, состоит в том, чтобы они были постоянно действующими очагами праздничной атмосферы в городе.

Как расположены кинотеатры в европейских или японских городах? Они, как правило, сгруппированы по нескольку вместе, причем конкуренты не стараются разойтись подальше, а, наоборот, теснятся друг к другу. Потому что сверкание огней одного усиливает мигание лампочек другого. А в целом от обилия огней и многоцветной рекламы создается облик нарядного, праздничного уголка. Тут же рядом есть где перекусить наскоро или посидеть в ожидании киносеанса. Люди охотно идут в такие уголки развлечений.

Наши прокатчики понимают праздник как мероприятие, которое требует разовых усилий. В кинотеатр приглашается съемочная группа. В кабинете директора выставляют вазу с фруктами, другую — с бутербродами. Участникам дарят гвоздики. Я всегда готов прийти на такую встречу. Но, честно говоря, не вижу большой пользы от того, что перед огромным экраном появится плохо различимый маленький человечек и скажет несколько приветственных слов. Нет, не таким должен быть праздник встречи зрителя с фильмом. Праздник должен стать структурой, действующей постоянно на каждом сеансе. А для этого перед кинотеатром должны гореть праздничные огни, реклама должна стать украшением города, а не тусклой информацией. Зрители должны не толкаться в фойе без толку и вообще как-то не терять зря времени.

обмен мнениями. В этом отношении интереснее работают местные студии. — Я видел в Свердловске часовую программу, целиком посвященную новой картине Сергея Соловьева: на экране шла настоящая дискуссия. Такая передача не только привлекает внимание к фильму — она учит людей серьезней относиться к искусству, понимать его язык. Она многократно увеличивает круг зрителей — все хотят посмотреть фильм, о котором говорят.

Надо четко сказать, что сегодня наши фильмы нуждаются в рекламе. Разнообразной, требующей значительно больших затрат. Фильм, помимо всего, — это и товар на рынке потребления. Ни один товар не поступает к потребителю в таком разнообразии, как кинофильмы. Прежде было достаточно дать возможность выбора. Теперь нужно уговаривать, убеждать, увлекать...

МХАТ с труппой в 157 актеров на трех сценах дает спектакли в Москве. Каждый приличный театр с залом на 600 человек заводит себе еще один, мест на 100—200. А «Мосфильм» с его пятитысячным коллективом и сотней фильмов, одновременно находящихся в работе... Почему он не имеет своих фирменных кинотеатров? В разных микрорайонах, поскольку жизнь огромного города децентрализована по крупным районам, а фактически городам. 10 миллионов вместе — это не город, это целая страна. Она заслуживает специальной сети фирменных кинотеатров.

В этих кинотеатрах должны регулярно выступать артисты театра-студии киноактера. Там должны работать по месяцу после картины режиссеры. Это нужно студии. Но это улучшает и социальный климат города. Почему бы москвичам не стать патриотами родной студии?

Но проблема связи фильма и зрителей растет угрожающе быстро. Три года назад «Экипаж» был сенсацией, сегодня, возможно, этого бы не случилось. На экраны выходят и терпят неудачу хорошие фильмы, имеющие право на яркий успех. У прокатчиков на все есть ответы. Не пошел фильм с популярной актрисой. «Она исчерпала свой потенциал зрительской любви». Не пошла любовная история, где молодая девушка любит пожилого человека. Почему? «Молодой зритель, а он у нас основной, не хочет идентифицировать себя с пожилым героем». Не пошел постановочный яркий международный фильм—не «Сказка странствий», другой. «Нет должного количества драматических перипетий». Просто удивительно, какие нынче образованные люди в прокате, как охотно они признают свои ошибки, как неохотно урезают нам, художникам, места на экранах. Хотели бы вам помочь, но план, но вал... Когда на все есть свой ответ, это значит, что ответа, по сути, нет.

Ясно одно. Надо не обижаться друг на друга, а сообща, обязательно сообща, менять кое-что в давно сложившейся, но ныне устаревшей практике жизни наших фильмов на киноэкранах страны.

ТВ

ОЖИДАЕМОЕ И НЕОЖИДАННОЕ

ПРЕМЬЕРА

СЦЕНАРИСТ Сергей Бобков, режиссер-оператор Юрий Белянкин и оператор Владимир Сеткин предложили недавно телезрителям очень интересный и очень неожиданный документальный фильм «Воскреси — свое дожить хочу! В. Маяковский». Впрочем, слово «документальный» в данном случае мало что определяет. Вернее говорить о поэтическом кинопортрете одного из основоположников советской литературы. «Воскреси — свое дожить хочу!» — эта строка оказалась не просто емким, удачно найденным названием фильма о Владимире Маяковском, но и метафорической основой всего, что в течение часа развертывалось на экране.

Создатели фильма совершили своеобразное открытие Маяковского. Очень свежо прозвучало «ожидаемое» — то, без чего не может обойтись рассказ о жизни поэта. Но с чего началось в фильме «неожиданное»?

Авторы пошли вслед за автобиографической прозой поэта, за воспоминаниями о нем родных и друзей, современников и соратников. Открылось в фильме, что крутые «лесенки» стихов Маяковского пластически, ритмически созвучны величавым, спокойным, напоенным духом жизни, духом истории панорамам грузинских гор и пастбищ, ленинградских улиц и набережных.

Своеобразный светлый, щемящий мотив, протянувшийся через весь фильм, сквозь всю жизнь великого мастера, — его детство. Без лишних слов (голос Р. Суховерко практически не вмешивается в действие, он лишь посредник в диалоге зримой жизни и звучащей поэзии) детство поэта становится важнейшей поэтической темой.

Обрамляют фильм картины Москвы, в начале — утренней, в конце — вечерней. Утром камера вводит нас в комнату, где, кажется, все ждет пробуждения хозяина: одежда, мебель, блокнот. Как будто начинается бытовой пролог игрового фильма «Владимир Маяковский».

Как тонко и точно обыграли авторы фильма слова из автобиографии поэта: «Отец был казак, мать — украинка. Первый язык — грузинский. Так сказать, между тремя культурами». Редко кому удавалось так внятно ощутить и так зримо передать идущий от судьбы, от многонациональной нашей земли интернационализм одного из величайших мастеров русского стиха. Строки Маяковского, льющиеся над горами, рекой, ущельем, органически сменяются пушкинскими: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Природа, люди, красота древней грузинской архитектуры — все сливается воедино, и путь Маяковского, корни его гения ясно, зримо уходят туда, где привычно высятся фигуры Пушкина, Лермонтова. И позже в фильме московские и невские берега, куда попадает Маяковский, воспринимаются как прочерченные природой и историей «линии преемственности», связывающие судьбы и искания величайших наших поэтов.

Каждая из частей фильма посвящена одному из важнейших «узлов» в жизни и творчестве Маяковского. Авторы явственно воплощают связь времен. По сути дела, «двойной экспозицией» оказывается и своеобразный «диалог», который ведет в фильме поэт с Мариной Цветаевой, Велимиром Хлебниковым, Анной Ахматовой — благодаря им все более и более четко вырисовываются основы еще одной мощнейшей «корневой системы»: русская культура представлена мастерами разных поколений и творческих пристрастий. И каждый из творцов-современников видел в Маяковском одну из центральных фигур эпохи.

Все в кинопоэме, проследившей жизнь поэта, направлено к единому центру, итогу этой жизни: Маяковский и революция. Дух культуры, интернационального братства, заложенный в Маяковском, оказывается как бы высвобожденным революцией, воистину мобилизованным и призванным временем, историей, поэзией. И слова Виктора Шкловского о народности Маяковского, и размышления самого поэта об искусстве Нико Пиросмани, и тема зарубежных поездок поэта, его выступлений перед огромными аудиториями — все сливается в единую, многоплановую, сложную картину. А в этом многоголосье все отчетливей звучит — чтобы стать затем среди ведущих, главных — ленинская тема: тема эпохи и поэтической судьбы.

Фильм получился. Создатели его творчески продолжили то, что уже несколько лет назад начало делать наше телевидение. Напомню об интересной ленте Д. Барщевского, посвященной Всеволоду Вишневскому, в свое время мне довелось о ней писать и отстаивать право телевидения на поэтическое переосмысление традиционной «документальной кинобиографии». Разумеется, это не единственный путь воплощения образа большого писателя. Недавняя передача о Евгении Шварце тому пример, как и другая, посвященная Федору Гладкову.

Сегодня телевидение накопило в своем активе (и, надо думать, в своем архиве) немало интереснейшего материала — в «биографиях», из истории советской литературы. Не настала ли пора систематизировать его и, быть может, в нынешнем году — году пятидесятилетия Первого съезда писателей — выстроить в специальный цикл телевизионных фильмов и передач?

В. КИСУНЬКО